

Александр Михайловский
Александр Харников

АФИНСКИЙ СИНДРОМ

Путь в Царьград - 2

Ангелы в погонах

Александр Михайловский

Афинский синдром

«Автор, Автор»

2021

Михайловский А. Б.

Афинский синдром / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор»,
2021 — (Ангелы в погонах)

Пришельцы из двадцать первого века плотно оседлали Черноморские проливы и захватили Стамбул, переименовав его в Константинополь. Пятисотлетняя оккупация древней христианской твердыни прекращена силой русского оружия, Большой Человек Европы скорее мертв, чем жив, и вскоре мир узнает о том, что на месте Оттоманской Порты на свет появилась Югороссия – новое, чрезвычайно могущественное государство с пока неопределенными границами, разом смешав карты всем европейским игрокам. Одни государства мира смущены этим обстоятельством, другие напуганы, а Британская империя и вообще впала в неконтролируемую ярость. Но как повернутся события дальше, и во что в итоге выльется попытка далеких от этих событий Североамериканских Штатов наловить для себя немного рыбки в чужой мутной воде? Ведь пришельцы из будущего пришли в этот мир навсегда, они ничего не забыли и никого не простили, и ради того, чтобы обеспечить будущее своих детей, готовы на самые решительные действия в любой точке земного шара, где это будет необходимо.

© Михайловский А. Б., 2021

© Автор, Автор, 2021

Содержание

Часть 4. Афинский синдром	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Михайловский, Александр Харников Афинский синдром

Часть 4. Афинский синдром

11 июня (30 мая) Плоешти. Ставка командования русской армии.

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

Вчера вечером со мной по радиации связался Александр Александрович и сообщил, что он переговорил с отцом, и вопрос о его неофициальном визите в Афины решен. Впрочем, было понятно, что визит такой фигуры, как наследник российского престола, трудно назвать неофициальным. Цесаревич берет с собой, как мы с ним и договорились, кроме адъютанта графа Сергея Шереметева, еще своего кузена, полковника герцога Сергея Лейхтенбергского и двух казаков. Я не возражал: круг «информированных» надо понемногу расширять.

Переговорив с Цесаревичем, я связался с адмиралом Ларионовым и согласовал с ним время прибытия вертолета, маршрут и порядок следования. Согласно плану, мы вылетим рано утром, дозаправиться на «Адмирале Кузнецове», после чего доберемся до крейсера «Москва», стоящего сейчас на якоре у острова Лемнос в Мудросской бухте. А на нем, с огромной для здешних мест скоростью 18 узлов (можно сказать, «с ветерком») мы и отправимся в Пирей.

Как было ранее договорено, еще до рассвета мы на двух фаэтонах выехали в условленное место. Туда должен был прибыть вертолет. По дороге, трясясь в фаэтоне, я предупредил герцога и двух станичников, чтобы они держали язык за зубами и ничему не удивлялись. Похоже, что цесаревич, со своей стороны, уже провел предварительный инструктаж, потому что Сергей Лейхтенбергский, не задавая лишних вопросов, дал честное слово русского офицера не разглашать то, что ему доведется увидеть. А казаки – здоровенные донцы (под стать цесаревичу), с бородами лопатой – поцеловали свои нательные кресты, заявив, что будут немые как могилы, и «не видать им Тихого Дона, если они кому скажут хоть слово».

Первой неожиданностью для спутников цесаревича стали наши «ангелы-хранители» из команды капитана Хона. Они пятнистыми призраками вынырнули из кустов, когда фаэтоны почти приблизились к условленному месту. Кузен цесаревича невольно вздрогнул, а казачки схватились за рукоятки шашек, бормоча что-то про нечистую силу. Убедившись, что прибыли свои, морпехи козырнули цесаревичу, вызвав его довольную улыбку, и снова растворились в кустах. Мне пришлось объяснять взволнованным казакам и герцогу Лейхтенбергскому, что это не нечистая сила, а что-то вроде «пластунов» с нашей эскадры.

Второй неожиданностью, буквально упавшей им на голову, стал вертолет, приземлившийся на нашем походном аэродроме. Сначала в небе засвистело, застрекотало. Потом появилась винтокрылая машина, окрашенная в серо-голубой «морской» цвет. Зависнув неподвижно в вышине, она стала быстро снижаться, и вскоре коснулась колесами земли, подняв в воздух облако пыли. Александр Александрович и граф Шереметев, уже знакомые с вертолетом, невозмутимо, с видом знатоков, наблюдали за его приземлением и с усмешкой поглядывая на герцога Лейхтенбергского, который побледнел как смерть и жалобно посматривал то на меня, то на цесаревича. А казаки, те струхнули не на шутку. Они дико озирались, лихорадочно крестились, и, если бы не каменное спокойствие цесаревича, точно бы пустились наутек. Цесаревичу пришлось даже провести разъяснительную работу, объяснив станичникам, что нечистый тут ни при чем, а машина сия сделана человеческими руками, и летает по небу по воле Господней. Слава Богу, обошлось без такого русского антишокового народного средства, как хорошая

затрещина. Как ни странно, простое и доходчивое объяснение Александра Александровича вполне удовлетворило и Сергея Лейхтенбергского, и казаков.

Вот вертолет взмыл в небеса, и мы начали свое путешествие. Из-за свиста и воя турбин поговорить во время полета толком не удалось. Но было видно, как и герцог Лейхтенбергский, и особенно казаки, с детской непосредственностью прильнули к стеклам иллюминаторов. Особую их реакцию вызвал «Аллигатор» сопровождения, который присоединился к нам, едва мы пересекли Дунай. Примерно на полпути, уже за Разградом, мы увидели внизу группу конных турок, сопровождавших коляску с каким-то вельможей, одетым в расшитый золотом мундир. Что подделаешь: дороги небесные и земные где-то соприкасаются. Получилось все в точности, как в том старом анекдоте: «Идем, никого не трогаем...». Мы бы и в самом деле не тронули этих турок. Но вот конвой, сопровождавший этого важного господина стал палить по вертолетам из своих карамультуков. Порох дымный – и выстрелы были видны хорошо. Казаки достали свои огромные «смит-вессоны» и начали прикидывать, как пальнуть сверху по супостату. Я показал им кулак: не хватало, чтобы в азарте они высадили стекла иллюминаторов.

Нашему сопровождению такое хамство со стороны турок не понравилось. «Аллигатор» заложил вираж, и по турецким кавалеристам, сбившимся в кучу, полетели НАРы и ударили пушечные очереди. Наши гости, от цесаревича до казаков, во все глаза смотрели на бой вертолета из XXI-го века с кавалерией из века XIX-го. Когда осела поднятая разрывами пыль и развеялся дым, позади нас на дороге лежала перевернутая взрывом коляска и бились в запутавшихся построках кони. Кавалеристы ударили в разные стороны, отчаянно нахлестывая своих скакунов. Но не все. На дороге валялось десятка два убитых лошадей и человеческих тел. Пилот жестом подозвал меня к себе и крикнул в самое ухо: Ребята просили передать, что это должно научить кое-кого уважать нас, когда мы мирно летим по своим делам!»

Кивнув, я перебрался к цесаревичу и, почти крича ему в ухо, передал слова пилотов эскорта. В ответ тот поднял вверх большой палец – мол, все нормально. Дальнейший полет прошел без приключений.

Приземление на палубу авианосца прошло незаметно и буднично. Конечно, вид с высоты на гигантский корабль, рядом с которым хищный силуэт «Адмирала Ушакова» казался игрушечным, впечатлил всех, даже тех, кто его уже видел. Впрочем, долго им любоваться не пришлось, нас там уже ждали, и поэтому вертолет сразу же пошел на посадку. «Полковника Александра» встретили прогуливающиеся по палубе майор Османов с султаном Абдул-Гамидом. Они обменялись рукопожатиями, как старые знакомые, почти друзья. Цесаревич представил им своих спутников. Узнав, что перед ним сам бывший правитель огромной империи, «Тень Аллаха на земле», герцог Лейхтенбергский от изумления несколько растерялся, а казаки, те вообще остолбенели, словно их отоварили пыльным мешком по голове. Немного позднее один из них тихонечко подошел ко мне, и шепотом спросил: «вашбродь, а что, это и взаправду султан турецкий?» На что я ответил любознательному станичнику: «Да, это Его Султанское Величество Абдул-Гамид II, в ночь на двадцать пятое мая плененный нашими «пластунами» в Константинополе». Казак уважительно посмотрел на султана, а потом на майора Османова, одетого в непривычный для того времени пятнистый камуфляж.

Почти сразу же после приземления подошел вахтенный офицер и передал нам приглашение пройти в адмиральскую каюту. Командующий эскадрой контр-адмирал Ларионов сообщал нам, что пока наш вертолет дозаправляется топливом для дальнего перелета, можно выпить чаю в его обществе и обговорить кое-какие насущные вопросы. Казакам предложили пообщаться с морпехами, а остальные пошли вслед за вахтенным офицером. Пройдя через бесконечные лабиринты переходов авианосца, мы вошли в ярко освещенное помещение, где нас уже ждал контр-адмирал.

– Александр Александрович, я рад снова видеть вас, – с широкой улыбкой сказал командующий эскадрой наследнику Российского Престола.

От такой фамильярности у герцога Лейхтенбергского глаза полезли на лоб. А цесаревич, как ни в чем не бывало, так же широко улыбнувшись, ответил на приветствие адмирала:

– Виктор Сергеевич, я не менее вас рад снова быть вашим гостем! – Затем повернулся к своим спутникам. – Господа, разрешите вам представить: контр-адмирал Российского флота, Виктор Сергеевич Ларионов, победитель турок, освободитель Константинополя!

Адмирал слегка поморщился от такого славословия в свой адрес. Когда ему представили герцога Лейхтенбергского, он с жалостью посмотрел на юношу. Я понял адмирала. В нашем времени Сергей Максимилианович Лейхтенбергский, сын великой княгини Марии Николаевны, сестры императора Александра II и герцога Максимилиана Лейхтенбергского, внук императора Николая I и правнук Жозефины Богарнэ, был убит в бою 12 октября 1877 года. Турецкая пуля, попавшая ему в голову, уложила наповал 27-летнего генерал-майора. Все произошло в нескольких метрах от цесаревича, который в то время командовал Рушукским отрядом. Но теперь история развивалась по-другому сценарию, и Сергей Лейхтенбергский, скорее всего, останется в живых и оставит свой след в истории.

За чаем контр-адмирал Ларионов вкратце рассказал нашим гостям из Российской империи о предстоящем путешествии:

– На вертолете вы долетите до острова Лемнос, где в гавани Мудроса вас уже ждет ракетный крейсер «Москва». Тотчас после вашего прибытия крейсер снимется с якоря и отправится в Пирей. Визит будет неофициальный. Цесаревич встречается со своей кузиной – чисто семейное мероприятие. А вот вам, Александр Васильевич, – адмирал повернулся ко мне, – предстоит провести негласные переговоры с греческим королем и с премьер-министром. Не обессудьте, вы у нас здесь служите кем-то вроде канцлера. Цель переговоров – склонить греков к военному и экономическому союзу с Югославией. Можно пообещать им кое-какие территории ныне уже покойной Османской империи – например Крит, где население давно уже стремится воссоединиться с материковой Грецией. Впрочем, скажите им, что все будет зависеть от степени их лояльности к Югославии. А еще, Александр Васильевич, я попрошу вас встретиться с дипломатами некоторых европейских стран, чтобы обозначить нашу позицию. Думаю, что пришла пора организовывать свою государственность. Впрочем, эту тему мы еще с вами обсудим.

В дверь постучали. Вошедший вахтенный офицер доложил:

– Товарищ контр-адмирал, вертолет готов. Можно вылетать.

Попрощавшись с адмиралом, мы снова отправились с нашим сопровождающим. Выйдя на палубу, мы увидели, что наши казаки стоят у вертолета, по-хозяйски его осматривая. Увидев цесаревича, оба вытянулись во фронт. Стоящие рядом морпехи отдали честь. Шила в мешке не утаишь, и уже все на корабле знали, что за «полковник Александров» прилетает к нам уже второй раз. Мы подошли к машине и, попрощавшись с майором Османовым и султаном, забрались в салон. Заревели двигатели, завертели винты, и вертолет взмыл в воздух.

Мы долго летели над Черным морем, потом впереди показался турецкий берег. Когда мы пролетали над Константинополем, я жестом указал цесаревичу на иллюминатор. Он долго с любопытством рассматривал проплывающий внизу город, корабли, стоявшие на его рейде. Потом летели над Мраморным морем. Вот позади остался пустынный остров Мармарис, где герои Василия Звягинцева построили свой Царьград...

Ярко-голубые воды вскоре закончились, и мы увидели укрепления Дарданелл. Я снова привлек внимание цесаревича. Он приткнулся к стеклу. Под нами лежали разгромленные огнем корабельной артиллерии форты и береговые батареи. Досталось им изрядно. Позиции турок были перепаханы так, что, казалось, ничто живое на них не могло уцелеть. В общем-то, так оно и было.

Цесаревич с изумлением смотрел на вывороченные из земли каменные глыбы, развороченные кирпичные брустверы, отброшенные взрывами стволы огромных орудий. Потом он с уважением посмотрел на меня и снова поднял вверх большой палец.

Еще немного, и впереди появился остров Лемнос. В бухте Мудроса стоял на якоре ракетный крейсер «Москва». На его вертолетную площадку и опустилась наша машина.

– Ну вот, господа, мы и прибыли, – обратился я к цесаревичу и его спутникам. – Дальше наш путь будет по морю. Добро пожаловать на борт ракетного крейсера «Москва», флагмана Черноморского флота России в нашем времени.

11 июня (30 мая) 1877 года. Заголовки российских газет

"Московские ведомости": «Чудо на Босфоре! Корабли под андреевским флагом разбили турок и захватили Константинополь!»

"Северный вестник" Санкт-Петербург: «Великая победа над Турцией! Стамбул наш, султан Абдул-Гамид II взят в плен!»

Федор Михайлович Достоевский.

Дневник:

«Для меня этот день был одним из самых счастливых в жизни. Прошлого года, в июне месяце, я написал в своем дневнике, что Константинополь рано ли, поздно ли, должен быть наш. Тогда было горячее и славное время: подымалась духом и сердцем вся Россия, и народ шел «добровольно» послужить Христу и православию против неверных, за наших братьев по вере и крови, славян. Я хоть и назвал тогдашнюю статью мою «утопическим пониманием истории», но сам я твердо верил в свои слова и не считал их утопией, да и теперь готов подтвердить их буквально. Вот что я написал тогда о Константинополе:

«Да, Золотой Рог и Константинополь – все это будет наше... И, во-первых, это случится само собою, именно потому, что время пришло, а если не пришло еще и теперь, то действительно время уже близко, все к тому признаки. Это выход естественный, это, так сказать, слово самой природы. Если не случилось этого раньше, то именно потому, что не созрело еще время».

И вот – свершилось! Время созрело! Столица древней Византии захвачена доблестными моряками, которые под флагом с крестом Апостола Андрея Первозванного совершили чудо – сокрушили супостата и вошли в древний Царьград.

Что будет дальше? Наследовать Константинополь одним грекам теперь уже совсем невозможно: нельзя отдать им такую важную точку земного шара, слишком уж было бы им не по мерке. Царьград будет наш – вот что хочется мне именно теперь опять подтвердить, но уже с некоторой новой точки зрения.

Да, он должен быть наш не с одной точки зрения знаменитого порта, пролива, «средоточия вселенной», «пупа земли», не с точки зрения давно признанной необходимости такому огромному великану, как Россия, выйти наконец из запертой своей комнаты, в которой он уже дорос до потолка, на простор, дохнуть вольным воздухом морей и океанов. Я хочу поставить на вид лишь одно соображение, тоже самой первой важности, по которому Константинополь не может миновать России. Это соображение я потому преимущественно перед другими выставлю на вид, что, как мне кажется, такой точки зрения никто теперь не берет в расчет, или, по крайней мере, давно позабыли брать в расчет, а она-то, пожалуй что, и из самых важных.

Возникает вопрос: как же война, ведь она несет горе и смерть? Некоторые мудрецы наши проповедуют о человеколюбии, о гуманности, они скорбят о пролитой крови, о том, что мы еще больше озвереем и осквернимся в войне, и тем еще более отдалимся от внутреннего преуспеяния, от верной дороги, от науки.

Да, война, конечно, есть несчастье, но много тут и ошибки, в рассуждениях этих, а главное – довольно уж нам этих буржуазных нравоучений! Подвиг самопожертвования кровью

своею за все то, что мы почитаем святым, конечно, нравственнее всего буржуазного катехизиса. Подъем духа нации ради великодушной идеи – есть толчок вперед, а не озверение.

Конечно, мы можем ошибаться в том, что считаем великодушной идеей; но если то, что мы почитаем святынею – позорно и порочно, то мы не избежим кары от самой природы: позорное и порочное несет само в себе смерть, и, рано ли, поздно ли, само собою казнит себя. Война, например, из-за приобретения богатств, из-за потребности ненасытной биржи, хотя в основе своей и выходит из того же общего всем народам закона развития своей национальной личности, но бывает тот предел, который в этом развитии переходить нельзя, и за которым всякое приобретение, всякое развитие значит уже излишек, несет в себе болезнь, а за ней и смерть. Так, Англия, если б стала в теперешней восточной борьбе за Турцию, забыв уже окончательно, из-за торговых выгод своих, стоны измученного человечества, – без сомнения, подняла бы сама на себя меч, который, рано ли, поздно ли, а опустился бы ей самой на голову.

Когда раздалось царское слово, народ хлынул в церкви, и это по всей земле русской. Когда читали царский манифест, народ крестился, и все *поздравляли* друг друга с войной. Мы это сами видели своими глазами, слышали, и всё это даже здесь, в Петербурге. И опять начались те же дела, те же факты, как и в прошлом году: крестьяне в волостях жертвуют по силе своей деньги, подводы – и вдруг эти тысячи людей, как один человек, восклицают: «Да что жертвы, что подводы, мы все пойдем воевать!»

Здесь, в Петербурге, являются жертвователи на раненых и больных воинов, дают суммы по несколько тысяч, а записываются *неизвестными*. Таких фактов множество, будут десятки тысяч подобных фактов, и никого ими не удивишь. Они означают лишь, что весь народ поднялся за истину, за святое дело, что весь народ поднялся на войну и идет. О, мудрецы и эти факты отрицать будут, как и прошлогодние; мудрецы все еще, как и недавно, продолжают смеяться над народом, хотя и заметно притихли их голоса. Почему же они смеются, откуда в них столько самоуверенности? А вот именно потому-то и продолжают они смеяться, что всё еще почитают себя силой – той самой силой, без которой ничего не поделаешь.

А меж тем сила-то их приходит к концу. Близятся они к страшному краху, и когда разразится над ними крах, пустятся и они говорить другим языком, но все увидят, что они бормочут чужие слова и с чужого голоса, и отвернутся от них и обратят свое упование туда, где царь и народ его с ним.

И начало теперешней *народной* войны, и все недавние предшествовавшие ей обстоятельства показали лишь наглядно всем, кто смотреть умеет, всю народную целостность и свежесть нашу, и до какой степени не коснулось народных сил наших то растление, которое загноило мудрецов наших.

И какую услугу оказали нам эти мудрецы перед Европой! Они так недавно еще кричали на весь мир, что мы бедны и ничтожны, они насмешливо уверяли всех, что духа народного нет у нас вовсе, потому что и *народа* нет вовсе, потому что и народ наш, и дух его изобретены лишь фантазиями доморощенных московских мечтателей, что восемьдесят миллионов мужиков русских суть всего только миллионы косных, пьяных податных единиц, что никакого соединения царя с народом нет, что это лишь в прописях, что все, напротив, расшатано и проедено нигилизмом, что солдаты наши бросят ружья и побегут как бараны, что у нас нет ни патронов, ни провианта, и что мы, в заключение, сами видим, что расхрабрились и зарвались не в меру, и изо всех сил ждем только предлога, как бы отступить без последней степени позорных пощечин, которых «даже и нам уже нельзя выносить», и молим, чтоб предлог этот нам выдумала Европа. Вот в чем клялись мудрецы наши, и что же: на них почти и сердиться нельзя, это их взгляд и понятия, кровные взгляды и понятия.

И, действительно, да, мы бедны, да, мы жалки во многом; да, действительно у нас столько нехорошего, что мудрец, и особенно если он *наш* «мудрец», не мог «изменить» себе и не мог не воскликнуть: «Капут России и жалеть нечего!» Вот эти-то родные мысли мудрецов наших и

облетели Европу, и особенно через европейских корреспондентов, нахлынувших к нам накануне войны изучить нас на месте, рассмотреть нас своими европейскими взглядами и измерить наши силы своими европейскими мерками. И, само собою, они слушали одних лишь «премудрых и разумных» наших. Народную силу, народный дух все проглядели, и облетела Европу весть, что гибнет Россия, что ничто Россия, ничто была, ничто и есть и в ничто обратится.

Дрогнули сердца исконных врагов наших и ненавистников, которым мы два века уж досаждаем в Европе, дрогнули сердца многих тысяч жидов европейских и миллионов вместе с ними жидовствующих «христиан»; дрогнуло сердце Биконсфильда: сказано было ему, что Россия все перенесет, все, до самой срамной и последней пощечины, но не пойдет на войну – до того, дескать, сильно ее «миролюбие».

Но Бог нас спас, наслав на них на всех слепоту; слишком уж они поверили в погибель и в ничтожность России, а главное-то и проглядели. Проглядели они весь русский народ, как живую силу, и проглядели колоссальный факт: союз царя с народом своим! Вот *только это* и проглядели они!»

11 июня (30 мая) 1877 года, Черное море. БПК «Североморск». Старший лейтенант Игорь Синицын.

Выйдя из Одессы, мы попали в полосу плохой видимости, и почти до самой Варны шли в полном тумане. Погода была противная, накрапывал мелкий нудный дождь. Лишь на траверзе Констанцы туман и облачность рассеялись, и выглянуло солнышко. Все повеселели. Даже Ольга, у которой по мере приближения к Варне настроение становилось все хуже и хуже. Я догадывался о причине ухудшения самочувствия. Но ничего поделать не мог.

Скажу честно, у меня у самого на сердце скребли кошки. Уж очень я привязался к этой голубоглазой проказнице. Это если не сказать больше. Я понимал, что нас разделяют сто с лишним лет истории. Да и разница в возрасте у нас солидная – почти десять лет. Но ничего с собой поделать не могу. Ольга тоже страдает. Она старается как можно чаще бывать со мной, молча, умоляюще смотрит мне в глаза, словно именно от меня зависит, оставаться ей на «Североморске» или отправиться на Дунай под опеку отца.

Кстати, именно из-за этого и состоялся тяжелый для меня разговор с капитаном 1-го ранга Перовым. Он был человеком умудренным, много повидавшим в жизни, поэтому от него не укрылись наши с Ольгой страдания. Вечером он позвал меня в свою каюту, где задал вопрос в лоб:

– Игорь, что у тебя с Ольгой?

Я попытался отшутиться – дескать, что у меня, взрослого мужика, может быть с четырнадцатилетней девочкой. На что командир сказал, что Джульетте тоже было примерно столько же, сколько сейчас Ольге. И любовь ее к Ромео довела бедняжку до летального исхода. А с учетом пылкой африканской крови ее великого деда... Тут уж мне стало совсем не до шуток.

В общем, судили и рядили мы с ним долго. Сошлись на том, что отправлять девушку к отцу – не лучший выход. Ведь он сейчас на фронте, командует гусарским полком. Я заглянул в справочник и узнал, что 13-й Нарвский гусарский полк всю войну использовался в авангарде, сам полковник Пушкин со своими гусарами отчаянно рубился с черкесами и регулярной турецкой кавалерией. Отправлять к нему Ольгу – это значит подвергнуть ее неоправданному риску. Ведь, зная ее непоседливый характер, нетрудно предположить, что она найдет способ быть рядом с отцом. Так дело не пойдет...

С другой стороны, оставлять ее на «Северодвинске» нельзя. Как я понял, у начальства на наш корабль свои виды. Предполагается направить БПК в Средиземное море, где он будет ядром крейсерского отряда кораблей Черноморского флота и каперской флотилии греков. Мы будем тем «большим дядькой», который станет присматривать за своими подопечными, наводя

их на цели, а в случае необходимости прикроет их от других «больших дядек». Брать Ольгу в долгое и опасное крейсерство – тоже не выход. . .

И тогда я вспомнил ту красавицу-корреспондентку из телеканала «Звезда», которая снимала наши маневры в Босфоре, и нас – героических морских пехотинцев на фоне дворца султана. Если мне память не изменяет, зовут ее Ириной. Можно попросить ее присмотреть за Ольгой. Ну и заняться ее образованием. Этим мы убьем двух зайцев. Первое – как-никак, Ольга будет в относительной безопасности. И второе – Ирина проведет с Ольгой воспитательную работу, подтянув ее сознание до уровня XXI века. Дело в том, что Ольга уже стала догадываться, откуда и кто мы. Не знаю, может, кто-то из наших матросов в ее присутствии проговорился, а может, девица дошла до всего своим умом – но мне она стала задавать такие вопросы, что правду я ей сказать не могу, а врать не умею. Как там писал Хайнлайн – сия девица «не дура».

Пусть Ирина введет ее в реалии нашей жизни. Я думаю, две молодые представительницы слабого пола быстрее найдут общий язык. Прикинув и так, и этак, мы с командиром пришли к выводу, что это, пожалуй, будет наиболее приемлемым вариантом.

Не обошлось наше путешествие без приключений. На траверзе Констанцы, или, как ее пока еще здесь называют, Кюстенджи, на нас из тумана выскочил турецкий пароходофрегат. По всей видимости, он рассчитывал на то, что в условиях плохой видимости сумеет добраться до Синопа, где пока еще не было нашего гарнизона. Но не повезло турку. Точнее, не турку, а англичанину, который командовал этим фрегатом. Он попытался от нас оторваться, но после предупредительного выстрела спустил флаг, даже не сделав попытки оказать сопротивление. Видимо, британский коммодор Грэг Кларк очень дорожил своею жизнью.

Правда, протестовал он очень бурно: брызгал слюной и угрожал нам карами земными и небесными. Но продолжалось это слюноизвержение недолго. Возмущенного британца отправили в компанию его соотечественника, плененного в Батуме, а турок высадили на шлюпки и предложили плыть назад, в Кюстенджи, благо расстояние до него было не более десяти-двенадцати миль. Доплывут, если жить захотят. А фрегат утопили – конструкция у него была старая: гребные колеса и паровая машина, донельзя изношенная, – так что пускать на дно такое антикварное судно было не жалко. Подрывной заряд в машинное отделение, глухой взрыв, облако пара, поднявшееся до клотиков – и фрегат, накренившись, вскоре лег на борт, а потом, перевернувшись, скрылся под водой.

Лейтенант Макаров внимательно наблюдал за всеми нашими манипуляциями. Даже что-то чиркал карандашом в маленький блокнотик. Будем считать, что мы провели мастер-класс. Хотя учить ученого. . . Степан Осипович в свое время внимательно проштудировал историю крейсерства рейдера конфедератов «Алабама», и собрался повторить успех ее командира Рафаэля Семмса. А когда капитан 1-го ранга Перов провел с Макаровым что-то вроде штабной игры, ознакомив предварительно с такими неизвестными в XIX веке вещами, как радиолокатор и средства беспроводной связи. Оценив наши технические достижения, Степан Осипович пришел в восторг. Он даже стал потирать руки, предвкушая, какую охоту на британские торговые суда устроят корабли его отряда в Средиземноморье. Талантливый человек – все схватывает на лету.

А потом мы подошли к Варне, и наступило время расставания. Ольга рыдала как маленькая девочка, глаза у нее покраснели, а я не успевал вытирать у нее слезы. Пришлось даже сбежать в санчасть и принести оттуда пузырек с валерьянкой. С большим трудом я успокоил нашу голубоглазую юнгу-непоседу. Всхлипывая, она прижалась ко мне и зашептала быстро и горячо:

– Дядя Игорь, вы возвращайтесь побыстрее. . . Я буду вас ждать долго-долго. . . Дядя Игорь, вы самый хороший, самый красивый, самый храбрый на свете. . . Дядя Игорь, я знаю, что я еще маленькая, но я подрасту, вы подождите, не женитесь на другой. . . – Тут Ольга опять подозрительно захлопала носиком, и губы ее задрожали. . .

«Бедная девочка, – подумал я, – ты повзрослеешь, поумнеешь, и найдешь себе жениха помоложе и красивее меня...» И тут мне почему-то очень захотелось, чтобы этого не случилось, и чтобы Ольга действительно дождалась меня из похода. Чтобы она скорее стала совершеннолетней (по законам Российской империи совершеннолетие у девушек наступало по достижении ими 16 лет) и перестала называть меня «дядей Игорем»...

Стараясь успокоить уже готовую снова пуститься в рев Ольгу, я стал ласково поглаживать ее по голове. Почувствовав мое прикосновение, она крепко-крепко вцепилась в меня, словно я был для нее единственным родным человеком на всем свете.

– Глупенькая... – шептал я ей, – все будет хорошо, вот увидишь, я тебе это обещаю. Разобьем турок, и я вернусь к тебе. Потом отвезу тебя к твоим родным: папе, тетушке, братьям и сестрам. Я познакомлюсь с ними, и думаю, что мы сумеем друг другу понравиться. Ведь Ольга, все будет именно так?

Мой голубоглазый чертенок поднял ко мне свое зареванное лицо, и сказал:

– Дядя Игорь, я верю, что все будет именно так, как вы сказали... Я знаю, что вы никогда никого не обманываете... Я верю вам... – А потом, немного подумав, она неожиданно сказала: – дядя Игорь, можно я вас поцелую? – И, не дожидаясь моего ответа, она поднялась на цыпочки, и я ощутил на своих губах солоноватый от слез ее робкий и нежный поцелуй...

11 июня (30 мая) Борт ракетного крейсера «Москва».

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

Наш вертолет приземлился на вертолетной площадке крейсера «Москва». Утомленные длительным перелетом и оглохшие от рева двигателя, мои спутники стояли на палубе крейсера слегка одуревшие, и жадно глотали свежий морской воздух.

По плетенке, раскинутой на вертолетной площадке, к нам подошел командир крейсера капитан 1-го ранга Остапенко. Видимо, уже предупрежденный адмиралом о составе делегации, он подошел к цесаревичу, козырнул ему, а потом протянул руку для приветствия.

– Господин полковник, пройдемте со мной в отведенные вам каюты. Крейсер к походу готов, и через несколько минут мы снимемся с якоря.

Адъютант цесаревича, Сергей Шереметев, бережно извлек из большого саквояжа аккуратно сложенный шелковый вымпел, который должен означать, что на борту «Москвы» путешествует наследник российского престола, и передал его командиру крейсера. Морской церемониал незыблем во все времена, и уже через десять минут вымпел весело трепыхался под игривым напором легкого ветерка на грот-стеннге.

Когда церемониал был окончен, рассыльный матрос повел нас по палубе корабля. Мы услышали шум выбираемого якоря, потом зашумели где-то внизу турбины, палуба слегка завибрировала, и видневшийся вдалеке берег острова Лемнос стал медленно удаляться. Спустившись по трапу на нижнюю палубу, мы подошли к дверям офицерских кают. Две из них, рассчитанные на двух человек, и станут нашим домом на ближайшие сутки. Цесаревич со своим адъютантом Сергеем Шереметевым расположился в одной, а я с герцогом Сергеем Лейхтенбергским – в другой. Казачков, слегка растерявшихся в незнакомой для них обстановке, рассыльный повел в матросский кубрик, отведенный для прикомандированных к кораблю морских пехотинцев. «С этими, не забалуют даже такие задиры, как донцы», – пояснил я герцогу Лейхтенбергскому.

Герцог, несмотря на его пышный заграничный титул, оказался веселым и общительным молодым человеком. Оглядев по-спартански обставленную каюту, он сказал, что это для него весьма и весьма роскошная обстановка. Оказывается, его мать, великая княгиня Мария Николаевна, придерживалась в воспитании методов своего отца, императора Николая I.

– Мы спали всегда на походных кроватях, а летом на тюфяках, набитых сеном, и покрывались одним тонким пикейным одеялом, – сказал герцог, в его голосе чувствовалась грусть по давно ушедшему детству.

Вскоре командир крейсера через рассыльного пригласил нас на ужин. За столом в кают-компании офицеры крейсера украдкой бросали на цесаревича любопытные взгляды. Но их тоже можно понять: перед ними была живая история – наследник российского престола, будущий царь Александр Миротворец! Но сам Александр Александрович, по всей видимости, привыкший к вниманию, которое вызывала его фигура, сидя за столом, спокойно вкушал макароны по-флотски, запивая их витаминизированным компотом из сухофруктов. В еде, как я помнил по воспоминаниям его современников, цесаревич не был привередлив.

Приняв пищу, мы вышли на палубу. Остров Лемнос давно уже скрылся за горизонтом. Незаметно наступила южная ночь. Мы с моими спутниками спустились на нижнюю палубу и разошлись по каютам. Перед сном мы немного поболтали с Сергеем Лейхтенбергским; пришлось некоторым образом удовлетворить острый приступ любопытства, образовавшийся у молодого человека. Будущее он представлял себе по романам щелкопера Фаддея Булгарина, который лет сорок назад был плодовитее нашей Донцовой. Пришлось аккуратно его в этом отношении перепросвещать.

Ранним утром, на самом рассвете, мы были уже на подходе к Пирею. Встречные корабли – в основном греческие рыбацкие каики – почтительно уступали путь огромному кораблю под андреевским флагом. С идущего контркурсом небольшого итальянского пассажирского парохода на нас с любопытством уставились стоящий на мостике капитан и несколько палубных матросов. Пассажиров видно не было – наверное, еще не проснулись.

Пройдя мимо острова Эгина, мы увидели на горизонте берег континентальной Греции. Я знал, что «Москва» уже не раз в нашей истории заходила с визитом вежливости в Пирей. Поэтому, как я понял, сложности с заходом в гавань у командира крейсера быть не должно. Впрочем, надо сделать поправку на время – в этой реальности Пирей выглядел совсем по-другому. С другой стороны рельеф морского дна совершенно не изменился, а ведь именно это важнее всего для моряков.

Бросив взгляд на гавань, я увидел целый лес мачт. В это время даже пароходы еще несли полное парусное вооружение. В основном это были торговые корабли под флагами Греции, Италии, Австро-Венгрии, Франции, Испании и даже Турции... В общем, как писал поэт – все флаги будут в гости к нам (то есть к ним, к грекам). Кроме мирных «купцов», в гавани Пирея стояли на якоре два военных парусно-винтовых корабля. Над одним из них развевался андреевский флаг, над другим – «Юнион Джек». При ближайшем рассмотрении русский корабль оказался трехмачтовым корветом «Аскольд» из эскадры контр-адмирала Бутакова, недавно отозванной из Средиземного моря. Ему оппонировал британский корвет «Эктив». Это были стационары, несшие службу в беспокойном регионе, где войны еще не было, но она могла начаться буквально с минуты на минуту. Так сказать, овестьественное противостояние самых мощных империй – морской и континентальной.

Высыпавшие на палубу матросы британского и российского корветов рассматривали во все глаза неизвестный корабль, входящий в гавань Пирея. Вид огромного корабля, идущего со скоростью двенадцать узлов без парусов и дымов, ввергал зрителей в шок. Чем опытней был моряк, тем больше он был удивлен. Это для нас двенадцать узлов – крайне лениво, а для большинства кораблей того времени – максимальный ход. Словом, фурор был такой, как если бы в гавань Пирея всплыла зубастая Несси своей собственной плезиозавриной персоной.

**Гавань Пирея. Палуба 17-пушечного парусно-винтового корвета «Аскольд».
Капитан 2-го ранга Павел Тыртов.**

Капитан 2-го ранга Павел Тыртов с удивлением смотрел на чудо-корабль, входящий в гавань Пирея. Развешивающийся над ним андреевский флаг и вымпел говорили о том, что на его борту находится наследник Российского престола, и не оставляли сомнений в его государственной принадлежности. Кроме того, когда корабль бросил якорь неподалеку от «Аскольда», Павел Тыртов прочел надпись в его кормовой части – «Москва». Все это не вызывало никаких сомнений, что перед ним корабль российского флота.

«Но вот, разрази меня гром, я не припомню, чтобы в составе Русского Императорского флота был такой корабль...» – подумал он. Тем более ТАКОЙ корабль. Во-первых, он был огромен – в три раза длиннее «Аскольда», и почти в два раза шире. Во-вторых, хотя у него и были мачты, но вместо рея с парусами на них были установлены какие-то непонятные предметы, назначения которых оставалось для Павла Тыртова тайной. Корабль, несомненно, был военным: об этом можно было судить по одной большой орудийной башне сферической формы с длинноствольными орудиями и несколькими совсем маленькими башенкам (вообще было непонятно, как внутри них может скрываться человек, даже если он пигмей или ребенок). Короткие толстые стволы, торчащие из этих башенок, на поверку оказались митральезами довольно крупного калибра. Но больше всего капитана 2-го ранга удивили огромные трубы, установленные в два ряда под наклоном вдоль бортов. Всего их было шестнадцать. Не оставалось никакого сомнения, что это тоже оружие – ничто иное и не могло занимать столько места на палубе военного корабля. Тыртов подумал, что этот корабль вполне быть из состава таинственной эскадры, которая неделю назад захватила Проливы с Константинополем. Если бы не служба стационара, привязывающая «Аскольд» к Пирею, Павел Тыртов и сам бы сходил до Дарданелл посмотреть, что там и как. Но Российским МИДом ему было категорически воспрещено покидать гавань в военное время.

Рассматривая в бинокль палубу «Москвы», Павел Тыртов заметил прогуливающегося по ней высокого дородного человека в мундире полковника Русской императорской армии. Этот самый полковник не мог быть никем иным, кроме как Александром Александровичем Романовым, наследником Российского престола. Капитан 2-го ранга, конечно, не был представлен цесаревичу, но несколько раз пересекался с ним на различного рода светских мероприятиях. Наличие подле означенного полковника двух казаков лейб-конвоя и хорошо известного Павлу Тыртову Сергея Шереметева не оставляло никаких сомнений – это действительно цесаревич Александр Александрович.

Конечно, командир стационара должен был лично прибыть на «Москву» для представления Наследнику Престола, но на «Аскольде» еще только готовили к спуску на воду ял, а с борта «Москвы» на воду был уже спущен катер, который опять необъяснимым образом, без парусов, гребцов или дыма от паровой машины, резво побежал в сторону «Аскольда». Тыртов приказал спустить трап, и в спешно надетом по такому случаю парадном мундире приготовился встретить посланца с неизвестного корабля.

Гавань Пирея. Палуба 17-пушечного парусно-винтового корвета «Аскольд». Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

Я глянул в свой походный ноутбук, где хранилась информация о кораблях и личностях времен царствования императоров Александра II и Александра III. Стоявшим в гавани Пирея «Аскольдом» командовал капитан 2-го ранга Павел Петрович Тыртов. Это был опытный моряк и толковый офицер. Впоследствии в реальной истории он стал командующим Тихоокеанским флотом и Управляющим Морским министерством.

Надо было немедленно нанести ему визит для установления взаимодействия и устранения возможных недоразумений. Я попросил командира капитана 1-го ранга Остапенко спустить разъездной катер, чтобы нанести визит будущему адмиралу. Компанию в поездке на корвет составил мне герцог Сергей Лейхтенбергский.

Когда катер с "Москвы" причалил к борту «Аскольда», мы по трапу поднялись на палубу и увидели сорокалетнего загорелого моряка, лицо которого украшала небольшая седоватая борода. Он с изумлением смотрел на нас с герцогом с высоты мостика. Уж очень колоритной мы были парой.

– Господа офицеры, с кем имею честь? – спросил он, спустившись на палубу.

Герцог представился. Капитан 2-го ранга, услышав, что его корабль навестил представитель Российской императорской фамилии, вытянулся в струнку. Он был удивлен, но не очень сильно – если уж на неизвестно откуда взявшемся корабле в Пирее путешествует сам Наследник Российского Престола, то другой внук императора Николая I уже вряд ли кого удивит. Господин капитан 2-го ранга с удовольствием выслушал мое сообщение о том, что цесаревич желает видеть его на борту этого удивительного корабля.

Впрочем, это было не последнее сегодня удивление командира «Аскольда». Герцог обратил внимание Тыртова на мою скромную особу. Он представил меня как одного из тех, кто несколько дней назад с боем прорвался в Проливы и участвовал в захвате Константинополя. Тыртов уже читал в газетах об этом удивительном событии, и с удивлением, смешанным с почтением, посмотрел на меня.

– Так это были вы, господин...

– Капитан Тамбовцев, Александр Васильевич, – представился я. – Впрочем, я был всего лишь одним из многих, кто совершил рывок через Дарданеллы. В настоящий момент мы прибыли из Главной квартиры Государя вместе с цесаревичем, и намерены встретиться с королем Греции Георгом и его супругой Ольгой Константиновной.

– Я думаю, что Их Величества, узнав, КТО прибыл в Пирей, уже сегодня примут вас, – произнес капитан 2-го ранга Тыртов. – Не говоря уже о том, что они непременно захотят познакомиться с героями Константинопольского десанта.

– Итак, Павел Петрович, вы готовы следовать с нами на "Москву"? – спросил я у Тыртова.

Тот не стал тянуть со сборами, и вскоре спустился вместе с нами по трапу. Он с любопытством посмотрел на рулевого нашего катера, и был удивлен тому, как легко и просто тот управляет своим маленьким судном.

– Капитан, а где у вас здесь кочегар? – поинтересовался Тыртов, и очень удивился, когда я сообщил ему, что кочегар на катере как таковой вообще не нужен.

Поднявшись по трапу на борт «Москвы», Тыртов увидел стоящего у борта цесаревича, в это самое время с любопытством рассматривающего в бинокль корабли в гавани Пирея. Потом, заметив нас, граф Шереметев что-то шепнул на ухо своему шефу. Цесаревич обернулся, и на лице его появилась широкая радушная улыбка.

– Ваше императорское Высочество, я рад доложить вам, что экипаж корвета «Аскольд» рады выполнить любое ваше приказание! – отрапортовал ему командир «Аскольда».

– Хорошо, хорошо, господин капитан 2-го ранга, – пробасил ему в ответ Александр Александрович, – я не сомневаюсь, что все ваши матросы и офицеры готовы выполнить свой долг перед Отечеством. Может быть, это произойдет в самое ближайшее время... – эти слова Цесаревич произносил, наблюдая, как корвет «Эктив» поднял якорь и чисто по-английски, не прощаясь, направился к выходу из гавани. Эх, чуёт мое сердце...

Адъютант цесаревича, граф Сергей Шереметев, прервал изъяснения в преданности трону, сообщив, что сигнальщик с «Москвы» видит у пирса коляску, запряженную парой лошадей, в которой сидит какой-то важный придворный чин – «весь в золоте и в орденах». Тыртов, немного подумав, высказал предположение, что это посланец королевской греческой четы. Мы поняли, что сегодня, позавтракав по-флотски, обедать будем уже по-королевски.

12 июня (31мая) Пирей – Афины.

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

Действительно, вскоре с пристани пришел катер, в которой сидел церемониймейстер греческого королевского двора, с приглашением господ русских офицеров во дворец. Ничего удивительного в этом не было. Странно, что сама королева не приехала в Пирей.

Покинув родину, греческая королева Ольга стремилась использовать любую возможность, чтобы поддерживать связь с Россией. Каждый раз, когда в Грецию приходили русские военные корабли или торговые суда, она стояла на берегу и встречала дорогих соотечественников в надежде увидеть среди офицеров кого-нибудь из родственников и знакомых. Кажется, по-научному это называется ностальгией. Греческая королева регулярно посещала эти суда, присутствовала на их праздниках и самодеятельных концертах, обедала вместе с судовой командой. Нередко Их Величество королева Ольга приглашала моряков к себе во дворец, устраивала для них чаепития. Русские моряки с судов, постоянно курсировавших в Средиземном море, называли великую княгиню Ольгу Константиновну не иначе как «наша матушка-королева».

Узнав, что в Пирей вошел не просто русский корабль, а один из тех, таинственных и легендарных, что одни ударом разгромили ненавидимую всеми греками Османскую империю, и, кроме всего прочего, еще и с наследником российского престола, любимым кузеном королевы, и одновременно зятем короля, на борту. От такой новости бедный церемониймейстер пришел в ужасное волнение. Казалось, что апоплексический удар свалит его прямо на месте.

Капитан 1-го ранга Остапенко быстро привел в чувство придворного, по старому русскому обычаю предложив ему выпить за встречу. Серебряный поднос с граненой стопкой водки оказался тут весьма кстати. Когда церемониймейстер немного пришел в себя, он срочно послал своего помощника верхами в Афины, чтобы оповестить Их королевских Величеств. А сам начал извиняться перед цесаревичем за то, что Их Императорскому Высочеству не организован подобающий его титулу прием.

Впрочем, Александр Александрович не был сильно огорчен этим фактом, о чем и сообщил придворному. Ведь его визит был неофициальным, чисто семейным, поэтому на скрупулезном соблюдении протокола он не настаивал.

Вскоре из Афин, оставляя за собой хвосты пыли, примчались четыре дворцовые кареты. Цесаревич, Ваш покорный слуга и сопровождающие нас лица переправились на катере на набережную, где уже собралась толпа народу, кричащая здравицы сыну русского царя и русскому флоту.

У карет нас окружил народ, каждый хотел пожать нам руку или просто прикоснуться к людям, которые победили их векового врага. Ведь именно турки пролили море греческой крови.

Прибывшему с нами морпехи и матросы с «Аскольда» с трудом вызволили нас из рук эллинов и помогли сесть в кареты. Тогда радость греческого люда оборотилась на самих наших освободителей. В Пирее стихийно начался народный праздник. Маленький оркестр заиграл веселую музыку, народ начал водить хороводы.

Что там было дальше, я не знаю, потому что мы, в сопровождении эскорта конных королевских гвардейцев, отправились в столицу Греческого королевства. Наш путь лежал в местечко Тати, которое находится примерно в 15 километрах от Афин на лесистом склоне горы Парнита. Его еще называют «Греческим Петергофом». Именно там, подальше от любопытных глаз и ушей, нас и ждала королевская чета.

Королевский дворец представляет собой простое двухэтажное здание без следов особенной роскоши. Дворец окружал парк и большой комплекс построек, среди которых – храм, хозяйственные помещения, пекарня, винный погреб, маслодавальня. Нас уже встречали. Король Георг и королева Ольга по-родственному бросились обнимать своего старого друга Алекса, которого искренне любили. Весь церемониал был скомкан. Посыпались обычные в таких случаях вопросы о здоровье супруги, родителей, деток. Я со своими спутниками скромно стоял в стороне, ожидая окончания бурных проявлений семейной радости.

Впрочем, цесаревич довольно быстро вспомнил об основной цели своего визита в Грецию. Он повернулся лицом к нам, он произнес:

– Ваши Королевские Величества, поскольку герцога Лейхтенбергского и графа Шереметева вы уже знаете, то позвольте представить вам капитана Тамбовцева. Александр Васильевич – один из тех, кто одним лихим ударом свалил древнего Османского тирана, пленил султана Абдул-Гамида, и теперь на руинах этой проклятой империи собирается построить новое государство Югороссию. На крейсере «Москва», кораблей из той победоносной эскадры, я и прибыл к вам. Как человек с большим жизненным опытом, господин Тамбовцев в настоящий момент выполняет обязанности канцлера этого юного государственного образования. Считайте наш визит неофициальным, хотя должен вам сообщить, что отец мой, государь Александр Николаевич, в ближайшее время собирается признать Югороссию, посетив церемонию повторного освящения Храма Святой Софии. – Цесаревич говорил по-французски, так как король Георг, хотя и понимал русский язык, но не настолько, чтобы вести на нем беседу.

– Bravo, капитан! – Экспансивно воскликнул король, а королева с уважением посмотрела на меня. Она была дочерью Великого князя Константина Николаевича, генерала-адмирала русского флота. Поэтому кое-что во флотских делах понимала.

– Ваши Величества, – обратился я к королю и королеве, – командованием эскадры и руководством нового государства Югороссии я уполномочен провести с вами переговоры о разделе бывшей Османской империи и заключении всестороннего союзнического договора.

Услышав об этом, король как-то весь подобрался.

– Господин Тамбовцев, на что может рассчитывать Греция в случае подписания договора с Югороссией? И, кстати, каковы границы и форма правления в этом новом государственном образовании?

Я вежливо склонил голову перед королем.

– Во-первых, это новое государство со столицей в Константинополе, прилегающими к нему территориями. Окончательные границы, а также зоны политического и экономического влияния, будут установлены позже, по завершению военных действий. В состав Югороссии также войдут и некоторые территории, расположенные в азиатской части бывшей Османской империи. Что мы можем предложить Греции? Ну, вполне естественно, остров Крит, население которого давно желает воссоединения с греческим королевством, а в Европе – Фессалию с ее Олимпом и, возможно, Эпир. Более подробно на эту тему можно будет переговорить на Конференции Балканских государств и России, которая произойдет после окончательной дезинтеграции Турции. Должен сообщить, что ни Англия, ни Франция, ни Германия, ни даже Австро-Венгрия на эту конференцию приглашены не будут. А пока нас интересует лишь ваше принципиальное согласие. Кроме всего прочего, более половины будущих граждан Югороссии считают греческий язык родным. Смею вас заверить, что в составе Югороссии все нации будут равны между собой.

Король Георг задумчиво подкрутил свои длинные усы, в этот момент став удивительно похож на барона Мюнхгаузена. Ну, его можно было понять. Он был монарх, ограниченный в своих правах конституцией. Поэтому все мои заманчивые предложения надо было обсудить с лидером парламентского большинства.

Я кивнул.

– Ваше Величество, мы все прекрасно понимаем. Я бы попросил вас дать нам возможность встретиться с Харилаосом Трикуписом... – При имени этого человека, который всячески пытался ограничить власть короля, Георг непроизвольно вздрогнул. – Мы обсудим с ним вопросы, которые могут помочь Греции расширить ее границы и дать возможность тем эллинам, что живут вне пределов королевства, побыстрее воссоединиться со своей исторической родиной.

Король немного подумал, переглянулся со своей супругой, и сказал, что такая встреча состоится в самое ближайшее время. Дальше, по всей видимости, должна была последовать неофициальная часть, с застольем, тостами и осторожными дипломатическими расспросами в непринужденной обстановке. Но, видимо, нам было не суждено сегодня отобедать с греческой королевской четой.

Неожиданно у меня в кармане запищала рация. Извинившись, я достал ее, и на виду слегка ошарашенных от такого удивительного для них зрелища монархов поднес к уху.

– Александр Васильевич, это капитан 1-го ранга Остапенко, срочное сообщение для вас и «полковника Александрова»! – услышал я. – На походе к Пирею, в районе острова Порос, обнаружена группа целей! Всего двенадцать кораблей. Поднятый для разведки вертолет установил, что это британская эскадра в составе шести броненосцев и шести кораблей класса пароходофрегатов и корветов. В настоящий момент британская эскадра следует курсом к Пирею. Александр Васильевич, вы с цесаревичем прибудете на «Москву»? Прием!

Я задумался. Вот, наконец, и «проклятая англичанка» показала свои зубы! Насчет прибытия на корабль... Формально я прибыл в Афины для участия в дипломатической миссии. Но, черт возьми, больше всего мне сейчас хотелось быть не в окружении августейших особ, а со своими современниками, которые через несколько часов встретятся с гордыми бриттами, которые считают нас, русских, дикарями, недостойными жить на нашей земле. Я решительно нажал на кнопку «передача» и ответил:

– «Москва», я Тамбовцев, ждите, через час буду на борту. Прием!

Я оглядел своих спутников и королевскую чету. Пока я разговаривал по рации, цесаревич синхронно перевел слова командира «Москвы» и мои на французский. Реакция присутствующих была показательна. Король, похоже, даже чуток испугался. И немудрено: к его столице на полных парах неслась грозная эскадра «владычицы морей», способная в течение нескольких часов снести до основания главный порт королевства. Тем более что он, будучи в прошлом принцем датским, хорошо помнил про разбойный налет британского адмирала Нельсона на датский флот в гавани Копенгагена. Королева же, наоборот, как русская принцесса, расхрабрилась настолько, что готова была вместе с нами отправиться в бой, чтобы примерно наказать зарвавшихся бриттов.

Что касается прочих моих спутников, то о них и говорить было нечего. Как самый старший из них – как по возрасту, так и по положению – цесаревич категорически потребовал, чтобы он и его сопровождающие были допущены на борт «Москвы» для личного участия в сражении с англичанами. То, что это будет именно сражение, никто из присутствующих уже не сомневался.

На тех же каретах, но теперь уже на предельной скорости, не жалея лошадей, мы помчались в Пирей. Прибыв на «Москву», мы увидели, что на ее палубе рядом с капитаном 1-го ранга Остапенко уже стоит командир «Аскольда» капитан 2-го ранга Тыртов. Кажется, флотские уже спелись. Ходившие в одних и тех же водах, имеющие одного и того же вероятного противника, морские офицеры чисто интуитивно нашли общий язык. И при этом временной лаг совершенно не играл роли.

Командир «Аскольда» был весьма встревожен полученными известиями. Кроме того, его шокировало зрелище взлета и приземления на корму «Москвы» вертолета ДРЛО. Но теперь в воздушной разведке уже не было никакой необходимости – весь горизонт заволкло грязной пеленой угольного дыма. Адмирал Горнби и вся его грозная Средиземноморская эскадра шла на встречу с нами. Впрочем, узнав о составе британской эскадры и без подсказки поняв, что бритты мчатся сюда далеко не с мирными намерениями, кап-2 Тыртов был настроен решительно. Как только мы поднялись на борт «Москвы», он обратился к цесаревичу с такими словами:

– Ваше Императорское Высочество, если неприятель предложит нам спустить флаг, то знайте – я это не сделаю, даже если нам всем будет грозить гибель в неравном бою. Я помню Морской устав императора Петра Великого: «Все воинские корабли Российские не должны ни перед кем спускать флаги, вымпелы и марсели под страхом лишения живота». Да и не страх мы будем драться! За честь, которая дороже жизни!

– Павел Петрович, не извольте беспокоиться, – капитан 1-го ранга Остапенко с легкой улыбкой обратился к капитану 2-го ранга Тыртову. – «Москва» способна расправиться со всем британским флотом, окажись он поблизости, и при этом даже не вспотеть. «Аскольд» в генеральной баталии участвовать не будет. Возможно, что нам понадобится ваша помощь при спасении британских «лаймиз» с тонущих неприятельских кораблей. В целях человеколюбия, так сказать. Или, если кто-нибудь из британцев, желая спастись, спустит флаг и запросит пощады. А пока будем ждать дальнейшего развития событий.

12 июня (31мая) Утро. Константинополь, военная база Долмабахче.

Телеоператор телеканала «Звезда» Андрей Романов.

Поселили нас со всем комфортом, по причине отсутствия гостиниц – в бывшем султанском дворце Долмабахче. То, как по-хозяйски наши устроились на его территории, яснее ясного говорит, что султану теперь этот дворец не понадобится. Теперь ему (в смысле султану) и о душе пора подумать.

Итак, жили мы не тужили почти неделю. Никого не обижали. Несколько раз вместе с морскими пехотинцами выходили в город осмотреться. Как сказала Ирочка, за пределами европейского квартала Константинополь – это большой аул. Трущобы. Но мы там были только один раз – снимали сюжеты про мобильный госпиталь МЧС, про беженцев и местных беспризорников.

Сходили, посмотрели на храм Святой Софии. Он еще не освящен, но алебастровые плиты с изречениями из Корана уже убраны, явив миру древние фрески. Там возникла какая-то морока с избранием нового Константинопольского патриарха взамен того, который скоропостижно скончался в ночь нашего появления здесь. Офицеры ГРУ, которые всегда знают больше всех, неофициально сообщили, что новый патриарх не будет связан с нынешней епископской камарильей и, скорее всего, будет избран из числа уважаемых всеми монахов одного из афонских монастырей. А если учесть борьбу греческой и болгарской фракций в епископате, то, возможно, патриархом даже станет один из русских монахов, ветеранов войны 1829 года. Да, сдается мне, что новый Константинопольский патриарх будет зело грозен. Но об этом пока – т-с-с...

Итак, сегодняшнее утро не предвещало ничего особенного, прогулка по саду, подготовка к выезду в город... О нас как бы забыли. Правда Ирочка писала что-то в своем дневнике, но меня это не касается.

И вдруг, когда мы после завтрака, как обычно, вышли прогуляться в сад, прибегает один из людей полковника Бережного, старший лейтенант Бесоев. Взволнованный до невозможности. Ага, про нас, значит, вспомнили. Приказ – срочно собрать всю необходимую для съемок аппаратуру – возможно, предстоит работа в зоне боевых действий. Хорошо, у Степаныча, моего помощника, всегда все собрано. Камера, запасные батареи, чистые флешки... Короче, похватали мы аппаратуру, синие бронежилеты с надписью PRESS (хотя кто тут на это смотреть будет – местные и знать-то не знают, что это такое) и быстро-быстро побежали к вертолетной площадке. А там, у вертолета – уже товарищ Бесоев с четырьмя головорезами такого устрашающего вида, что мороз по коже.

Уже в воздухе нам официально сообщают приказ адмирала: летим в Афины, там наша «Москва» вот-вот будет делать британскому Средиземноморскому флоту «большой бадабум». Наша задача – заснять все это безобразия во всех цветах и красках. Принтер для кино-

пленки в нашем хозяйстве имеется – короче, незачем ждать братьев Люмьер, пора изобретать «самое важнейшее из искусств» самим. И первым фильмом, который увидит мир, будет не «Прибытие поезда», а «Новый Саламин – разгром британской эскадры». Воевать – так по-военному, как любил говорить один известный персонаж, которому только-только стукнуло семь лет. Ну что же, если надо – сделаем.

Два с небольшим часа полета на трехкилометровой высоте – и вот под нами Афины и Пирей. С такой высоты корабли выглядят игрушечными. Вот и «Москва» на внешнем рейде у небольшого островка, стоит носом в сторону приближающейся британской эскадры. Господи, какие допотопные утюги, тащатся через море в клубах угольной копоти... Судя по распущенным парусам, британские броненосцы идут на вспомогательных машинах, экономя свой невеликий запас угля.

Фильм будет в стиле «Избиение младенцев». Хотя, если британцы начнут первыми, результат может выйти и не совсем веселым. «Москва» то не бронирована – достаточно одного попадания 180-килограммовым снарядом «общего действия»... Надежда только на слабый разрывной заряд черного пороха, некачественные взрыватели и огромное рассеивание этих британских дульнозарядных орудий. Да-с! Но об этом пусть болит голова у капитана 1-го ранга Остапенко. А наш аппарат уже заходит на посадку на вертолетную площадку «Москвы».

12 июня (31мая) Полдень Внешний рейд порта Пирей. Крейсер «Москва». Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

Итак, скоро все начнется. Сомнений относительно результатов предстоящего сражения у меня нет. При всех раскладах «Москва» уделает британцев как Бог черепаху. Силы явно неравные.

Только вот есть у нас, у русских, одна особенность. Мы можем блестяще выиграть битву, но сразу же после этого проиграть войну. Плохо мы еще сражаемся в сфере борьбы за умы. А во времена Сан Саныча так вообще скверно.

Начну по порядку. Вторая половина XIX века – это время, когда эпоха романтизма подошла к закату, но еще не закончилась. Люди чаще доверяют своим чувствам, а не разуму. Вот эту особенность хроноаборигенов мы и должны использовать по максимуму.

И тут прямо перед боем нам на голову буквально валится съемочная группа телеканала «Звезда» с приказом нашего адмирала запечатлеть предстоящий бой во всех цветах и красках. Значит, не только я думаю об информационной войне, но и наше командование, что и вправду радует. Так вот они и будут снимать новое Саламинское сражение! За то, что они сегодня снимут, любой их коллега-тележурналист продал бы душу дьяволу.

В ПИАР-войне – как в дуэли: хорошо стреляет тот, кто стреляет первым. И мы «выстрелим» первыми. Снятый с природы фильм о разгроме британской эскадры позволит кой-кому привести свои желания повоевать с нами в соответствие с реальностью. А не приведет, так он станет героем следующего фильма на подобную тему.

Кроме сцены боя, наши телевизионщики смогут пропиарить «полковника Александра» – как участника событий. Еще бы – сам наследник престола, вживую, в боевой рубке «Москвы»! Заодно и отснять «дружеский визит крейсера Югороссии "Москва" в Афины». Ну и на Парфенон пусть полюбуются, между прочим, вчистую разграбленный англичанами.

Снятый ими фильм будет стоить нам двух выигранных сражений. Почему? Об этом чуть позже. Да и фото пойдут на ура у газетчиков всего мира. ТАКОЙ СЕНСАЦИИ еще у них не было, и долго не будет. Ибо сегодня Владычицу Морей поимеют в особо извращенной форме и с особым цинизмом.

Теперь об «изюминке» предстоящего сражения. Точнее, такая «изюминка» потянет на хороших размеров арбуз. Я попросил командира «Москвы» условно пощадить один боевой корабль из эскадры адмирала Горнби. Ну, скажем, не совсем пощадить, но и не разобрать его

на запчасти в течение первых трех минут. Надо только сделать его небоеспособным: пусть себе тонет, но степенно, с минимумом жертв.

Речь идет о броненосце «Султан». Во-первых, очень хочется притащить этого «султана» в Константинополь в качестве трофея. Мол, один султан, живой, у нас уже есть, а вот вам и второй, британский. Но это так, к слову, конструкция у него хрупкая, и нашей «пылкой любви», скорее всего, он не выдержит и пойдет ко дну.

Самое же главное заключается в том, что этим британским «Султаном» командует... Герцог Эдинбургский Альфред. Точнее, Альфред Саксен-Кобург-Готский, сынок королевы Виктории... Той самой. К тому же сей Альфред был женат на родной и любимой сестре Сан Саныча. Самое пикантное, что он ко всему прочему имел чин капитана 1-го ранга Российского флота, и в честь него четыре года назад государь император переименовал строившийся на Балтийском заводе броненосный крейсер «Александр Невский» в «Герцог Эдинбургский». Я пока не стал говорить цесаревичу о том, что у него сегодня возможна встреча с еще одним родственничком.

Уважаемый Василий Васильевич сказал, что, если это нужно в политических целях, он постарается, хотя ничего и не обещает. Несколько пробоин с одного борта могут создать кораблю такой крен, что он потеряет ход и не сможет стрелять, болтаясь в море, как некая субстанция в проруби. Только вот, если наглы будут так тупы, что не догадаются срубить мачты... Тогда он им не доктор: булькнет этот «Султан» со всей командой, как некогда «Кэптен» в 1870 году или «Кэмпераун» в 1893 году.

И вообще, не должно быть никаких ритуалов, вроде того когда побежденный протягивает свою шпагу победителю... Пусть герцог выглядит жалко и глупо, для полноты впечатлений неплохо бы его искупать в море, а потом вытащить из воды багром, зацепив крюком за шитый золотом воротник мундира. Потом перевалить, как мешок с грязным бельем, через борт баркаса. Кадры будут впечатляющие. Если их растиражировать по всему миру (а они, само собой, будут напечатаны везде, кроме, естественно, британских газет), «Владычица морей» будет с головой вываляна в дерьме. Возможно, увидев в таком виде свое чадо, старая жаба Виктория сдохнет от апоплексического удара, вызванного злостью и стыдом. Туда ей и дорога – зажила старая карга на этом свете.

А фильм надо будет прокрутить в Ставке, потом в Петербурге, причем пригласить на его премьеру всех послов иностранных государств. Я думаю, что, увидев разгром британской «непобедимой армады», многие страны сделают соответствующие выводы и уже не будут принимать «позу ку» перед подданными Ее Величества Королевы...

Транспортные суда, конечно, можно взять как призы – пароходы пригодятся нам самим в «народном хозяйстве». Только вот предварительно надо заставить красномундирных солдат вплавь добираться до берега. И объявить, что рядовые британские матросы и солдаты передаются на милость королевской четы Греции, а вот господ британских офицеров мы будем судить.

12 июня (31мая) 1877 года, два часа дня, Внешний рейд Пирея. Крейсер «Москва».

Старший лейтенант СПН ГРУ Бесоев Николай Арсеньевич.

После прилета мне предстояло сделать два дела. Первое – найти капитана Тамбовцева и сдать ему с рук на руки съемочную группу. Типа: молодая интересная журналистка – одна штука, журналистке прилагаются опытный оператор с помощником и комплект аппаратуры.

Всю дорогу Ирочка (так, кажется, зовут журналистку) стреляла в меня глазами. Да, красота – страшная сила, это вам не похожая на лошадь одна демократка с Болотной. Ну да Бог с ней – у меня к этому иммунитет, наследственный.

Вторым моим заданием было найти наследника Российского престола – да будет он жив, здоров и невредим, – и любой ценой обеспечивать его безопасность. Для этого полковник

Бережной придал мне четырех «специалистов» самого устрашающего вида. Мы, конечно, не профессиональные бодигарды, но отлично знаем повадки себе подобных. Ну и, если что, при угрозе покушения можем работать на опережение, а это дорогого стоит. Так получилось, что оба поручения слили в один флакон.

Цесаревича Александра Александровича и капитана Тамбовцева я нашел в обществе командира крейсера и других офицеров на открытом балкончике по правому борту, рядом главным командным пунктом корабля. Их Императорское Высочество в обществе двух своих приближенных с высоты четырехэтажного дома разглядывали в бинокль приближающиеся британские корабли. Зрелище одновременно величественное и жалкое.

Первым нашу теплую компанию заметил капитан Тамбовцев. Увидев за моей спиной компанию журналистов, Александр Васильевич сделал удивленное лицо, а потом радостно улыбнулся.

– Вас, товарищ старший лейтенант, мне сам Бог послал. Точнее, не столько вас, сколько моих коллег по цеху, – приветствовал он меня, – а то я тут стою и голову ломаю – как запечатлеть грядущие события для мировой истории...

Видимо, сказал он это достаточно громко, потому что и цесаревич Александр, и его спутники опустили бинокли и повернулись в нашу сторону. В такой момент нашему брату положено стать прозрачным и слиться по цвету со стеной. Потому что взгляды всех трех молодых мужчин, подобно лучам зенитных прожекторов, скрестились на нашей Ирочке. Еще бы – ТАКОГО они в своей жизни не видели. Представьте: стоит наша красуля – в обтягивающих джинсиках, туфлях на высоких каблучках, в топике, открывающем загорелый гладкий животик, в меру намакияжена – словом, топ-модель, да и только. Ну а сама она задрала вверх носик и в упор не замечает всех этих принцев крови, графов и герцогов. Просто в ноль...

А Александр Васильевич, как положено в приличном обществе, начал представлять присутствующих друг другу. И тут притаившийся поблизости амурчик, оценил обстановку, взвесил шансы и натянул тетиву своего лука. Бац! Стрела страсти поразила навывлет сердце полковника Сергея Максимилиановича, герцога Лейхтенбергского, Светлейшего князя, члена Императорского дома, имеющего права на титул Императорского высочества. Ранение было тяжким – это было видно даже невооруженным глазом. Кузен цесаревича, храбрец, рубака и балагур, не знал, что и сказать даме. Да-с! И так тоже бывает! И еще неизвестно что лучше – стрела Амура в сердце или четырехлинейная турецкая пуля в голову. Второе, по крайней мере, без мучений, хотя и без надежд.

Заметив страдания герцога, капитан Тамбовцев быстренько свернул церемонию и, представив журналистам капитана 2-го ранга Бычкова, заместителя командира крейсера по воспитательной работе, отправил их готовить план информационной атаки на Роял Нэви в частности, и на Британскую Империю вообще. Да хорошо, что мой подлежащий защите объект счастливо женат, а то против несчастной любви бессильны все телохранители мира. Что же, пора и мне...

Сделав рукой под козырек, я шагнул вперед.

– Ваше Императорское Высочество, разрешите представиться!

Цесаревич степенно кивнул, и я, чуть запинаясь, продолжил:

– Старший лейтенант СПН ГРУ Николай Бесоев. Мой командир, полковник Бережной, приказал мне обеспечить вашу безопасность во время ожидаемых боевых действий.

Цесаревич бросил внимательный взгляд на стоящих за моею спиной спецов и, пожав плечами, бросил:

– Обеспечивайте, поручик!

– Одну минуту... – И я сделал знак своим парням...

Через несколько минут цесаревич и сопровождающие его лица оказались одеты в бронжилеты. Они чем-то смахивали на знаменитых трех богатырей с картин Васнецова. Цесаревич был, конечно же, похож на Илью Муромца, не хватало только густой окладистой бороды. Ска-

зав об этом вслух, я тут же прикусил язык – ну зачем наводить человека на нехорошие мысли. Ведь свою знаменитую бороду он отрастил в реальной истории лишь во время боевых действий под Рущуком, да и то из-за того, что бриться часто было просто некогда. А его адъютант, граф Шереметев подхватил мою шутку, прищурил левый глаз, кивнул головой, и сказал, утрируя волжский акцент:

– Похож, вылитый богатырь!

Милые шутки беззаботных людей в последние минуты перед военной грозой. Никто из троих никогда не праздновал труса и не отступал. Возможно, это были одни из последних рыцарей минувшей эпохи.

Тем временем строй британских броненосцев напал на нас все ближе и ближе, грозно и неумолимо. Было видно, как на британских кораблях убирают паруса и даже не пытаются скрыть свою подготовку к сражению. Колонна броненосцев, первоначально двигавшаяся от оконечности острова Эгина и нацелившаяся на вход в гавань Пирея, не доходя до него примерно двух миль, стала, как говорят моряки, последовательно поворачивать влево. Капитан 1-го ранга Остапенко встревожился.

– Он, что, этот Горнби, на пистолетный выстрел подойти хочет?

На мачте флагманского броненосца британской эскадры поползли сигнальные флажки.

– Ну, ни хрена ж себе! – не выдержал Остапенко. – Этот лорд-милорд совсем оборзел! Послушайте, чего он хочет! «Предлагаю вам спустить флаг, или вы будете расстреляны», – перевел командир «Москвы» язык флагов на нормальный человеческий язык, понятный таким сухопутным неучам, как мы.

Наступила тягостная тишина. До боевой рубки всего несколько шагов. Шагнув в нее, мы спустились на лифте в БИУС. Дальше все происходило как в замедленной съемке. Увидев Остапенко, командиры БЧ-1, БЧ-2, БЧ-3 и БЧ-5 рапортуют, что, корабль находится в полной боевой готовности. Якорь поднят, турбины раскручены, готовность дать ход в течение минуты. Цели в управляющие системы введены и сопровождаются, дистанция до головного британского броненосца 9 кабельтовых. Товарищ капитан 1-го ранга – ждем команды на открытие огня. Неизвестно, какую историческую фразу хотел сказать перед боем командир «Москвы» – наверное, насчет того, что раз не удалось утопить ему 6-й флот США, то прихлопнем хотя бы Средиземноморскую эскадру Британии, но тут раздался крик сигнальщика:

– «Аскольд» выходит из гавани!

Должно быть, капитан 2-го ранга Тыртов захотел отвлечь внимание британских кораблей от «Москвы», на которой находился цесаревич...

А дальше события пошли уже сами по себе... Первый выстрел произвели «лаймиз», тем самым подписав себе смертный приговор. Наверное, командир броненосца «Свифтшур» хотел дать предупредительный выстрел. Дистанция до «Аскольда» была чуть меньше мили, и британские комендоры могли стрелять наверняка, почти в упор. Два девятидюймовых орудия из батареи левого борта выбросили густые клубы белого порохового дыма. Один из снарядов упал в воду в полукабельтове по курсу «Аскольда», второй ударил русский корвет в бак, прямо за бушпритом. Веером полетели деревянные обломки. По счастью, этот снаряд не взорвался (как мне потом сказал капитан Тамбовцев, взрыватели британских фугасных снарядов срабатывают через два раза на третий). В противном случае жертв было бы много: девятидюймовый снаряд, даже снаряженный всего лишь черным порохом – это для легкого деревянного корабля многовато.

И тут командир «Москвы» все-таки сказал, наконец, свою историческую фразу:

– Боевой флаг поднять, британцев уничтожить, и да помогут им их боги – Фунт и Стерлинг!

Флагманский броненосец британского адмирала Горнби «Александра» уже миновал нас, и теперь прямо у нас по курсу был второй британский броненосец – «Ахиллес». Те секунды,

когда белоснежный с голубым крестом андреевский флаг слетал с мачты, очевидно, порадовал британского адмирала – ведь он, убогий, наверное, надеялся, что испугавшись мощи Ройал Нэви, противник сдастся на милость победителя... Лошадиный хрен ему в обе руки... Вместо белого флага на мачту взметнулся алый, боевой – с таким же синим андреевским крестом и наложенным на него белым, георгиевским.

И все хорошее для британского адмирала на этом кончилось, причем навсегда. Сей момент хорошо запечатлен в документальном фильме «Новый Саламин». Британцы сами подошли на дистанцию «пистолетного выстрела» – и получили в лоб то, что в обычном бою вряд ли бы использовалось как оружие. Реактивные бомбовые установки РБУ-6000 с воем и грохотом отработали по британским броненосцам. Правая – по «Алекса́ндре», левая – по «Инвинси́блу», третьему в колонне. На каждый броненосец ушло по шесть бомб. Ситуация была такова, что действовать надо было решительно, задавив в себе жабу, и тратить боеприпасы по принципу «кашу маслом не испортишь». Вот если бы между нами было миль пять... Но в таком случае и скорострелки, и бомбеметы молчали бы, а в ход пошли бы торпедные аппараты и артиллерийские орудия.

Тем временем, пока бомбы еще находились в воздухе, башенная установка АК-130 выстрел за выстрелом, словно забивая гвозди, лупила по находящемуся прямо перед нами «Ахиллесу». По нему же полосовали, словно огненной плетью, баковые скорострелки АК-630. У этой штуки минимальная очередь – по-моему, двести снарядов. Огненные шарики трассеров хорошо видны в полете даже днем... Во все стороны веером летят обломки, рушится сбита снарядом грот-мачта. Поймав от нас «горячий привет», «Ахиллес» сильно накренился на правый борт – несколько 130-миллиметровых снарядов угодили ему ниже ватерлинии. Подводная часть явно повреждена, и стрелять «Ахиллесу» уже несподручно.

В этот момент доходят первые бомбы – сначала по «Алекса́ндре», а потом и по «Инвинси́блу». Два прямых попадания по флагману, и три – в «Инвинси́бл». Остальные бомбы ложатся максимально близко к борту.

Краем глаза замечаю удивленно-испуганное лицо цесаревича. Грохочут взрывы страшной силы, несравнимые со здешними – 100 кг ТГА: это сколько же в черном порохе получится – полторы тонны или две... Корпус «Инвинси́бла» не выдерживает, и броненосец разламывается пополам. Корабль исчезает под водой быстро, будто его никогда и не было. Секунду спустя взрывается «Алекса́ндра». Но это уже не очередная бомба из РБУ – это сработал ее пороховой погреб. Кажется, что идея отловить и судить адмирала Горнби за неспровоцированное нападение накрылась медным тазом... Теперь он подлежит только суду Божьему.

«Ахиллес» медленно лег на бок, и жирный черный дым из его труб расплзается по воде, отравляя последние минуты жизни экипажа. Через несколько минут он уйдет на погружение без всплытия.

Эти три броненосца были самыми опасными, так как их бортовые батареи уже были направлены в нашу сторону и готовы к бою... Но это еще не конец сражения, у нас еще остались мишени... Британцы же ошарашены: они ожидали, что в их сети попадет глупый жирный карась, а оказалось, что в эту ловушку заплывла смертельно опасная белая акула, которая сама не прочь закусить рыбаками.

Четвертый броненосец в колонне, «Султа́н», начинает левую циркуляцию, чтобы попробовать уйти в открытое море. И тут короткой очередью бьет АК-130. У его правого борта один за другим встают несколько высоких столбов воды. Повторяется история с «Ахиллесом» – «Султа́н» кренился на правый борт, сначала медленно, потом все сильнее и сильнее. Его комендоры спешно задраивают орудийные порты, но это полумера. Те заслонки не герметичны. Застопорив машины, «Султа́н» начинает спускать шлюпки, благо, пока корабль не опрокидывается, а тонет более-менее ровно, большая часть команды с него, скорее всего, спасется. Непонятно, с чего ему такая милость, потому что два последних броненосца: «Сви́фт-

шур», с которого все началось, и «Дифенс», расстреляны реактивными бомбами безо всякой пощады. Спасенных с них не должно быть слишком много...

Две канонерские лодки, фрегат «Эджинкорт», и корвет-стукач «Эктив», следовавшие за броненосцами чуть поодаль, разворачиваются в море для бегства. За ними уныло тащатся два грузовых парохода, для которых десять узлов – парадный ход. Артиллерия «Москвы» не оставляет им шансов. Один за другим британские корабли уходят на дно после пары-тройки прямых попаданий, причем на дистанциях стрельбы, считающихся в это время, мягко сказать, фантастическими. А убежавший дальше всех «Эктив» получает вдобавок и «Осу» прямо в машинное отделение.

В воздухе жужжит вертолет. Это значит, что наши журналисты работают – снимают. А на берегу уже черно от народа. Несмотря на полуденную жару, целая толпа собралась посмотреть на бесплатное зрелище унижения гордых бриттов. Наверняка там же есть и дипломаты иностранных держав. Уже через несколько часов их реляции будут лежать на столах министров иностранных дел, президентов, премьеров, монархов.

Цесаревич вне себя от восхищения. По нашему уверенному виду он догадывался, что мы сегодня победим. Но увидеть ТАКОЕ он никак не ожидал!

Прямо на его глазах безжалостный охотник превратился в беспомощную дичь. Очень жаль, что его не сопровождали флотские – хотелось бы мне посмотреть на их лица. Однако, как сказал мне потом Александр Васильевич, королева элинов Ольга Константиновна наблюдала за сражением с пирейской набережной. Она наверняка отпишется своему отцу, который по совместительству не только младший брат нынешнего русского Императора, но и Генерал-Адмирал российского флота. Вот так-то!

12 июня (31мая) 1877 года, три часа пополудни, Плоешти. Ставка русского командования на Балканах

Граф Игнатъев Николай Павлович.

Проводив в Грецию цесаревича и милейшего капитана Александра Васильевича Тамбовцева, я стал заниматься рутинными делами по устройству наших гостей из будущего в Главной квартире. Правда, теперь мне это сделать было легче. Я мог сослаться на волю самого Государя, и желающих отказать в моих требованиях больше не было.

Перво-наперво я переселил всех, кто обеспечивал связь и переговорный процесс, в отдельно стоящую просторную палатку. В другой, такой же примерно по размерам палатке, наши гости разместили свои устройства по беспроволочному приему и передаче телеграмм. По их просьбе был изготовлен высокий шест, который они назвали антенной. И теперь в случае необходимости можно было в любой момент связаться с адмиралом Ларионовым. По вечерам в этот «узел связи» приходила мадам Антонова, и долго о чем-то вела переговоры со своим командующим. У нее теперь было много работы. Через своих агентов и людей полковника Артамонова в Болгарии, Греции, Черногории, Герцеговине и Сербии я связался с теми, кто пользовался авторитетом и уважением у своих соотечественников. И очаровательная Нина Викторовна целыми днями встречала и провожала делегации из всех концов бывшей Османской империи. От верных мне людей я узнал, что она пытается разобраться в раскладе сил в этих землях и определить степень их лояльности к России и новому государству Югороссии, которое рождалось на моих глазах.

Охрану этих палаток несли смешанные караулы, состоящие из наших кубанских казачков и «пятнистых» воинов потомков. Старшим с нашей стороны я поставил урядника князя Церетелева. Теперь у него здоровый, загорелый вид. Он освоился с ухватками настоящего казака, и платье очень пристало к его чертам южного типа. Не поверишь, что еще два месяца тому назад он был камер-юнкером и дипломатом, хотя и не только дипломатом. Свой человек, и не трус –

я взял его от генерала Скобелева, того самого, что прославился в Туркестане. Так вот, Михаил Дмитриевич хвалил мне князя за храбрость. А это многого стоит.

К тому же князь пресекал попытки любопытствующих бездельников из «Золотой орды» сунуть свой любопытный нос в палатки. Зная решительный характер Церетелева, никто не решался ему дерзить, опасаясь вызова на поединок. Да и полковника Антонову многие стали побаиваться после того, как она продемонстрировала Государю искусство обращения с револьвером. Из тяжелого кольта она шестью выстрелами сбила пробки с шести бутылок с шампанским. Причем стреляла мадам с расстояния двух десятков шагов! Да, глаз у нее остер и рука тверда – все, как завещал офицерам российским Петр Великий.

А сегодня, примерно в три часа пополудни, ко мне прибежал гонец от дежурного по узлу связи и сообщил, что из Пирея вышел на связь цесаревич Александр Александрович, которому срочно требуется сообщить нечто очень важное своему августейшему отцу.

Поняв, что в Греции произошло что-то неординарное, я лично отправился к дому, где располагался Государь. Я застал его в обществе Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича и военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина. Из услышанного мною отрывка их разговора я понял, что речь идет о предстоящем форсировании Дуная и продвижении вглубь Болгарии. Как сказала вчера полковник Антонова, «слон убит, пока приступать к его дегустации».

Я подошел к Государю, и тихо шепнул ему на ухо:

– Ваше Величество, извините, но я должен сказать вам несколько слов конфиденциально...

Великий князь нахмурился, а военный министр с любопытством посмотрел на меня. Видя, что Государь колеблется, я добавил:

– Ваше Величество, это очень важно, поверьте!

Тогда Государь легким кивком отпустил своих собеседников и, обернувшись в мою сторону, с тревогой в лице спросил:

– Что-то случилось с цесаревичем?

Я тут же поспешил его успокоить, сказав, что цесаревич жив и здоров, и что он всего лишь желает сделать своему августейшему отцу срочное сообщение государственной важности.

В сопровождении адъютанта и двух казаков мы быстрым шагом направились к палатке, в которой находился узел связи. Караульные кубанцы и «пятнистые» лихо отдали нам честь. В палатке, у радиостанции (железной коробке, на которой мигали какие-то светящиеся разноцветные точки), на стуле сидел старший связист, офицер с погонами подпоручика. Увидев меня и Государя, он вскочил и четко доложил:

– Ваше Величество, на связи крейсер «Москва», в данный момент находящийся в Пирее. У аппарата цесаревич Александр Александрович лично. Докладывает дежурный по узлу связи лейтенант Овсянкин.

Государь кивнул, и подпоручик-лейтенант повернул на радиостанции какую-то ручку, потом взял в руку штуку, которую потомки называют «микрофон», связанную с самой радиостанцией длинным витым шнуром, и поднес ее к лицу.

– «Москва», я, Плоешти, Государь на связи.

Откуда-то из рации раздался хорошо знакомый мне, взволнованный бас цесаревича:

– Папа, как ты меня слышишь?

Дежурный протянул Государю микрофон, и вполголоса сказал: «Говорите сюда, Ваше Величество», – после чего скромно отступил в сторону. Встревоженный самодержец взял микрофон и громко произнес в него:

– Саша, ради всего святого, скажи, наконец, что там у вас стряслось? Все ли у вас живы и здоровы?

В ответ он услышал:

– Дорогой Папа, мы с Божьей помощью, все живы, здоровы и невредимы, но сегодня произошло нечто невероятное. Впрочем, я расскажу все по порядку. Итак, мы были в гостях у нашей кузины Ольги Константиновны и короля Георга, когда нам сообщили, что к Пирею движется британская эскадра в составе шести броненосцев и нескольких кораблей меньших размеров. Я со своими спутниками быстро вернулся на «Москву», предполагая, что эти подданные королевы Виктории приближаются к Пирею с недобрыми намерениями. Дело в том, что сразу, как только мы вошли на внешний рейд Пирея, порт немедленно покинул британский корвет-стационар. Я предполагал, что он ушел навстречу британской эскадре, которая, как писали газеты, вышла с Мальты в сторону Проливов. Мы посчитали, что британский адмирал захочет спровоцировать вооруженное столкновение с крейсером «Москва» или с корветом «Аскольд», находящимся в Пирее в качестве стационара. Так и случилось. Подошедшая к Пирею эскадра предъявила ультиматум, который звучал примерно так: «Сдавайтесь или будете уничтожены!»

Государь был ошарашен.

– Что я слышу, Сашка?! Эти британские мерзавцы осмелились напасть на корабли под андреевским флагом? Без объявления войны?! – Недоумение переросло в настоящий царский гнев. – Какая неслыханная подлость и наглость!

– Да, Папа, именно так и произошло, – продолжил свой рассказ цесаревич. – Этих бешеных британцев не остановил даже вымпел на мачте «Москвы», показывающий, что на корабле находится наследник Российского престола. Они флажным сигналом сходу потребовали, чтобы мы спустили флаги и сдались. Естественно, что и командир «Москвы», капитан 1-го ранга Остапенко, и командир «Аскольда», капитан 2-го ранга Тыртов, наотрез отказались выполнить требование наглецов. А когда «Аскольд» вышел из бухты Пирея, намереваясь присоединиться к «Москве» на внешнем рейде, англичане открыли по нему огонь.

– Это возмутительно! – воскликнул Государь, от волнения чуть не оборвав шнур, который связывал микрофон с радиостанцией. – Неужели британцы считают нас чем-то вроде китайцев, которых можно безнаказанно унижать и убивать?!

– Но сегодня им это не удалось, – в голосе цесаревича зазвучали радостные и гордые нотки, – крейсер «Москва» в одиночку справился со всей британской эскадрой за каких-то десять минут. Шесть мощнейших британских броненосцев на глазах у многих тысяч жителей Пирея пошли ко дну у входа в гавань. При попытке бегства с места сражения расстреляны две канонерские лодки, фрегат и корвет. Два военных транспорта с войсками и артиллерией захвачены. С нашей стороны потери минимальные: на «Аскольде» повреждена верхняя палуба, убито два матроса, ранены шесть матросов и один офицер. Все они размещены в лазарете «Москвы». Военный доктор, капитан-лейтенант Васильев, заверил меня, что их жизнь и здоровье вне опасности. Сегодня вечером двух раненых, которым требуется хирургическая операция, на вертолете отправят в Константинополь. На «Москве» повреждений и потерь в людях нет. Если, конечно, не считать надорванных от хохота животов. Неприятель же потерял, по самым приблизительным подсчетам, более пяти тысяч человек убитыми и утонувшими, и еще примерно столько же сумели добраться до берега, где и были интернированы греческими властями.

– Так им и надо! – воскликнул Государь. – Думаю, что после этой истории спеси у них резко поубавится. Я немедленно прикажу наградить всех участников этого сражения. Саша, будь добр, приготовь наградные листы. И не стесняйся. Командирам «Москвы» и «Аскольда» – по Георгию 4-й степени, офицерам артиллерийских расчетов «Москвы», что топили британцев – всем по Владимиру 4-й степени с мечами. Прочим господам офицерам – «клюкву», всем нижним чинам кораблей – солдатские «Георгии». Капитану 2-го ранга Павлу Тыртову, кроме того, за верность долгу и мужество – следующий чин и золотое оружие за храбрость.

– Слушаюсь, Ваше Величество! – цесаревич снова перешел на официальный тон. – Я немедленно отправлю вам описание произошедшего сражения, подкрепив его фотографиями, сделанными нашими гостями из будущего. Они запечатлели все – появление британской эскадры, ее наглые требования, первый выстрел и полный разгром британцев.

– Жду с нетерпением, – ответил Государь. – Сашка, когда ты вернешься?

Немного помолчав, цесаревич ответил:

– Сначала я закончу кое-какие дела в Афинах. Ведь, Ваше Величество, железо надо ковать пока горячо. Надо закончить переговоры с королем и королевой, тем более что из-за произошедшего в территориальных водах Греции наглого нападения английского флота на корабли под андреевским флагом Греция считает себя оскорбленной, и может потребовать от Британии компенсации. Так что мы пробудем здесь до завтра, может, до послезавтра. Сегодня делами заняться уже, наверное, не удастся: в Афинах торжества, греки гуляют так, будто это их флот разгромил англичан. Да, ПапА, еще одна новость – наши друзья выудили из воды нашего зятя, Альфреда, герцога Эдинбургского. Слава Богу, он жив, и даже не ранен. Вид, правда, у него был весьма жалкий. Когда его на вертолете доставили на борт «Москвы», сын королевы Виктории напоминал мокрую курицу, а точнее, мокрого павлина. Он мне наговорил много интересных глупостей, но об этом потом. После Афин, если будет на то Ваше соизволение, я собираюсь посетить Константинополь. Посмотреть на Второй Рим, поговорить с людьми.

Государь кивнул.

– Хорошо, Сашка, конечно, поезжай. Но помни, что я жду тебя с нетерпением. До свиданья.

– До свиданья, ПапА, – ответил цесаревич, и рация замолчала.

На этом их беседа закончилась. Мы вышли из палатки. По дороге к своей резиденции Государь был молчалив и задумчив. Должно быть, он прикидывал, чем может закончиться сегодняшняя победа при Саламине. Ведь вполне вероятно, что, узнав о гибели своей эскадры, Британия объявит войну России.

– Да и черт с ними! – воскликнул Государь, словно догадавшись, о чем я думаю. – Все равно этот гнойник в отношениях с Великобританией пришлось бы рано или поздно вскрывать. Наши потомки доказали нам сегодня две вещи. Во-первых, они не оставили безнаказанной наглую попытку унижить наш флаг, а во-вторых, показали, что даже целая эскадра броненосцев не может устоять и перед одним из боевых кораблей из будущего. Перед одним! А сколько их у них в эскадре?! Николай Павлович, – обратился он ко мне, – с сегодняшнего дня вы – канцлер Империи. Указ о вашем назначении вы получите к ужину. Ну а пока попросите нашу дорогую Нину Викторовну заглянуть ко мне на чай и подготовьте ноту протеста по поводу наглых, а бы даже сказал пиратских действий англичан. И распорядитесь, чтобы товарищ министра иностранных дел Николай Карлович Гирс в Санкт-Петербурге как можно быстрее вручил эту ноту британскому послу в России. Посмотрим, как они на это отреагируют!

– Будет исполнено, Государь, – ответил я, – завтра же курьер с нотой протеста отправится в Петербург.

12 июня (31мая) 1877 года, три часа дня, Внешний рейд Пирея. Крейсер «Москва».

Старший лейтенант СПН ГРУ Бесоев Николай Арсеньевич.

Как писал один русский классик, «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца...» Правда, сей «мертвец» живехонек, хотя от стыда и готов наложить на себя руки. Знакомьтесь: Его Королевское Высочество, принц Альфред Саксен-Кобург-Готский, герцог Эдинбургский, второй сын королевы Виктории, главный филателист Великобритании, муж дочери императора Всероссийского Марии Александровны, любимой и единственной сестры цесаревича Алек-

сандра. Потом я прочитал, что Лондонское «общество» считало русскую принцессу слишком надменной. Ага, чья бы корова мычала, джентльмены...

А дело было так. Сразу после того, как прозвучал последний выстрел, капитан 1-го ранга Остапенко вызвал к себе на ГКП командира прикомандированного взвода морской пехоты старшего лейтенанта Аскерова и отдал ему приказ:

– Товарищ старший лейтенант, спустите на воду все, что может плавать. Один катер направьте на «Аскольд» – необходимо немедленно доставить сюда всех раненых и их доктора. Всем остальным задача – собрать с поверхности воды и шлюпок всех джентльменов-офицеров. С ними жаждут пообщаться товарищи из разведки. В случае оказания сопротивления незамедлительно применяйте оружие на поражение. Демократии тут нет. Всех матросов посылайте к берегу: тут близко, вода теплая, акул нет – доплывут. Кто не умеет плавать, пусть учится... Особо проверьте место гибели их флагмана – может, адмирал Горнби все же выжил. На море всякое бывает. Все понятно?

Высокий смуглый старлей с тонкими черными «чингисхановскими» усиками, приложил руку к щегольскому черному берету.

– Так точно, товарищ капитан 1-го ранга, понятно. Разрешите исполнять?

– Исполняйте! – кивнул командир «Москвы» и повернулся к цесаревичу. – Через полчаса-час, Ваше императорское Высочество, наши морпехи соберут урожай водоплавающих. И тогда мы все узнаем, кто, когда и зачем...

Герцога Эдинбургского выловили из воды не морпехи, а наши телевизионщики, парившие на вертолете, так сказать, над полем боя. Они увидели, как на месте утопления броненосца «Султан» происходит маленькая трагедия. Среди разного плавающего мусора и обломков рангоута в воде вяло шевелилось едва подающее признаки жизни тело одного из офицеров. Команда броненосца, в панике покидавшая тонущий корабль, бессовестно бросила своего оглушенного взрывом командира. Контуженный, с рассеченной головой джентльмен, в воде очухался и стал звать на помощь. Но его подчиненные на единственном уцелевшем яле стремились как можно быстрее покинуть место сражения. И они сделали вид, что не слышат истошные вопли своего тонущего командира.

А не утоп сей джентльмен только потому, что перед экстренным покиданием тонущего корабля успел надеть пробковый спасательный пояс... Да-с, век живи, век учись: нация просвещенных мореплавателей, а трое из четырех моряков Роял Нэви банально не умеют плавать.

А наши люди добрые. Взяли и сбросили ему лямку с лялечным сидением, ведь Ка-27 ПС – вертолет-то пассажирско-спасательный. После некоторых мучений (британец после контузии плохо соображал) его удалось поднять на борт. Съёмочную группу, во избежание неизбежных на море случайностей, сопровождали два морпеха. Так вот – они, как только электролебедка подняла британца в кабину, уложили его мордой в пол и скрутили руки за спиной. Кстати, при обыске у джентльмена нашелся за поясом припрятанный револьвер. Хотя чему удивляться, если даже в торговом флоте офицеры-джентльмены вынуждены постоянно носить при себе стволы, чтобы их же матросы не порезали своих командиров втихаря финками на ленточки для бескозырок. Уже на борту «Москвы» выяснилось, ЧТО именно выловили наши «звездовцы»... Или, точнее, КОГО.

И вот этот императорский зятек стоит на палубе «Москвы», мокрый как мышь... Волосы и борода слиплись и висят сосульками, на темени кровавая ссадина... Короче, «картина маслом» – по-латыни – *vae victis*, а по нашему – «Горе побежденным». Сейчас он похож на случайно спасшегося Робинзона Крузо в мундире офицера Роял Нэви.

А перед ним стоит цесаревич Александр Александрович, с иронической усмешкой на устах, уперши руки в боки, подобно Тарасу Бульбе. Так и кажется, что сейчас прозвучит бессмертный вопрос: «Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?» Или, в переложении на нынешнюю суровую действительность: «Ну что, зятек, королевский флот действительно так крут,

как его малюют?» Ведь три года назад, во время визита герцога Альфреда в Россию наследник Российского престола даже сдружился с ним. Тогда герцог Эдинбургский увез из Санкт-Петербурга молодую жену, единственную дочь императора Александра II. И вот теперь они снова встретились, только в совсем других обстоятельствах. На лице англичанина досада, стыд и смущение. А на лице цесаревича легкая усмешка и торжество. Кажется, что он сейчас скажет: «И за кого только мой отец отдал свою единственную дочь?»

Но первым прервал затянувшееся молчание не он, а недоутопленный герцог:

– Алекс, значит, адмирал был прав, и это ты сам все придумал. Вся эта Югороссия – это твое и только твое детище! Неужели ты устал ждать смерти своего отца и решил сам возложить на себя венец Византийских Императоров? Вы не забыли Севастополь, тайно готовились, строили корабли, которые должны были стать самыми сильными в мире... Кто эти люди: немцы, итальянцы или французы... Хотя нет, я понял – это экспедиция адмирала Бутакова! Так вот зачем он приходил сюда, в Средиземное море... Его корабли доставили из Кронштадта команды и вооружение для новой эскадры? Алекс, чего ты хочешь – власти над миром? Чтоб Россия была везде, и над ней никогда не заходило солнце? Алекс, берегись – против тебя будет вся мощь Британской империи!

Цесаревич усмехнулся.

– Фредди, оглянись вокруг, где эта мощь?! Половина ее уже на дне Сароникского залива. А тех, кому посчастливилось уцелеть, греки вылавливают баграми, как мусор после половодья... Скорее уж на нас ополчится клан Ротшильдов и прочих денежных мешков лондонского Сити. Вашей военной мощи я не боюсь, а за все гадости, которые вы готовите для России, мы сумеем вас наказать. Да так, что вы в следующий раз подумаете, стоит ли поднимать оружие на нас и наших союзников... Правильно было сказано, что Британия отвернулась от Господа к Маммоне, и теперь ваши боги – это Фунт и Стерлинг. – Цесаревич вопросительно посмотрел на капитана 1-го ранга Остапенко; тот молча кивнул. – Фредди, признаешь ли ты себя моим пленником?

– Это как в рыцарских романах, Алекс? – Герцог Эдинбургский поднял голову. – А что, у меня есть выбор?

– Есть. – Ответил цесаревич. – Поскольку вы напали на русские военные корабли без объявления войны, то я могу повесить тебя на ноке реи как обычного пирата. Военный суд в этом случае будет простой формальностью. Но это причинит горе моей сестре Марии... Хотя, если ты настаиваешь... И не оглядывайся: специально для тебя прекрасная рея имеется на грот-мачте «Аскольда», на который вы так подло напали.

– Алекс, я покоряюсь силе и признаю себя твоим пленником! – Герцог вздохнул и осмотрелся по сторонам. – Но скажи мне честно, как бывший друг, откуда взялись все эти люди, корабли и прочие чудеса, вроде того летающего аппарата, что вытащил меня из воды?

– Фредди, подойди-ка сюда, – цесаревич поманил зятя к себе и, склонившись к его уху, продолжил: – если я скажу тебе хоть частичку всей правды, то ты пойдешь и повесишься сам. Это очень страшная правда, даже я не знаю ее всю до конца, и поверь, знать просто не хочу. Вспомни Святое Писание: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»... – Цесаревич повернулся к командиру «Москвы» и продолжил уже по-русски: – Господин капитан 1-го ранга, я хочу попросить вас, чтобы вы распорядились насчет моего пленника. Его надо переодеть в сухую и чистую одежду без знаков различия, но соответствующую его рангу и положению. Неплохо было бы показать его вашему врачу, мне не нравится его рана на голове. И к тому же у бедняги, скорее всего, сильная контузия. Надо о нем позаботиться – это все-таки какой-никакой, а родственник. – Потом он снова повернулся к герцогу. – Фредди, ты иди-иди, мы с тобой потом поговорим.

Когда пленника увели, их цесаревич отозвали меня в сторону.

– Господин поручик, я хочу посоветоваться с вами по одному щекотливому вопросу, в котором вы, как я понимаю, кажется, дока...

12 июня (31мая) 1877 года. Вечерние французские газеты:

«*Фигаро*»: «Второе Саламинское сражение! Морское могущество Британии оказалось блефом!»

«*Пти Паризьен*»: «Их топили одного за другим! Русская «Москва» оказалась страшной машиной смерти!»

12 июня. Вечер. Париж. Елисейский дворец.

Президент Французской Республики маршал Мари-Эдм-Патрис-Морис де Мак-Магон, герцог Маджентский, и министр иностранных дел Франции герцог Луи Деказ.

– Итак, герцог, русские снова удивили нас! – обиженным голосом обратился президент Французской республики к главе своего внешнеполитического ведомства. – Точнее, не удивили, а ужаснули. Что происходит в мире? Я лично ничего не могу понять... Какая-то таинственная эскадра, корабли, разрушающие империи с многовековой историей, летающие железные монстры, изрыгающие огонь. Я, старый военный, дослужившийся до маршала, побывавший во множестве сражений, не могу дать вразумительного объяснения происходящему! Герцог, ну что вы молчите, неужели вам нечего мне сказать?

Герцог Деказ зябко поежился. Ему действительно почти нечего было сказать своему патрону, хотя все французские дипломаты и их агенты на Балканах лезли из кожи вон, чтобы пролить свет на происхождение и военный потенциал таинственной силы, которая недавно словно упала с неба. Эта сила вдребезги разбила хрупкое европейское равновесие, которое только-только начало выстраиваться в мире после образования Германской империи. Но шпионы и дипломаты сообщали в МИД лишь куцые, отрывочные сведения, большая часть из которых напоминала бред душевнобольного.

– Господин Президент, мои люди делают все возможное, чтобы добыть достоверные сведения об этой проклятой эскадре. Им удалось узнать, что она состоит из более чем десятка кораблей. Командует ею некий адмирал Ларионов. По данным моих агентов, в российском морском ведомстве такой адмирал на российской службе не числится. Часть кораблей этой эскадры находится в Мраморном море, часть – в Черном, часть – в Эгейском. Их флагманский корабль – чудовищный по размерам и плоский, как стол, монстр со странно загнутым вверх носом, наподобие турецкой туфли. Именно с него и взлетают таинственные летательные аппараты. По отрывочным данным, которые нам удалось получить, сейчас он находится в Черном море, на рейде Варны. Моим агентам стало известно, что с помощью этих аппаратов были уничтожены силы турок в Закавказье и Черногории. Если верить выжившим, то применение этих летающих чудовищ похоже на кару божью, обрушившуюся на библейские Содом и Гоморру. Сплошной огонь, льющийся с небес, выкашивающий людей как коса смерти... Чудовищной силы взрывы, разваливающие каменные крепости так же легко, как ребенок сокрушает игрушечные домики в песочнице.

– Герцог, а вашим людям можно доверять? – ворчливо спросил у своего министра престарелый маршал. – Может быть, они просто спятили при виде ужасов войны? Мне доводилось видеть подобную реакцию нестойких разумом солдат во время боевых действий – например, под Севастополем.

Герцог Деказ тоскливо вздохнул.

– Господин Президент, мы, конечно, делаем поправку на чрезвычайные обстоятельства, при которых получена эта информация. Но при перекрестной проверке полученные моими людьми сведения в основном подтверждаются.

Маршал Мак Магон прикрыл глаза рукой, потом, потер виски, пытаясь освободиться от мигрени, которая мучила его с самого утра.

– А как вы, герцог, прокомментируете сражение, разыгравшееся у острова Саламин? Ведь там были разгромлены не какие-то полудикие турки, а лучшая эскадра британских броненосцев...

Герцог Деказ внезапно оживился.

– Об этом сражении, господин маршал, мы имеем информацию из первых рук. В Пирее с берега за ним наблюдал наш военный атташе. Из полученной от него телеграммы мы узнали, что корабль, носящий имя «Москва», был без объявления войны атакован шестью броненосцами Ройал Нэви, несмотря на то, что в момент нападения на этом корабле находился наследник Российского престола цесаревич Александр...

– Весьма опрометчивый с их стороны поступок, – проворчал маршал и взъерошил свои моржовые усы, – впрочем, продолжайте, герцог.

– Британцы успели сделать всего несколько выстрелов, и попали лишь единожды – в русский стационар, корвет «Аскольд», который в этот момент двигался к выходу из бухты. Однако попадание было удачным – снаряд, который, правда, не разорвался, угодил в группу русских моряков, стоявших на баке, и наблюдавших за приближающимися английскими кораблями. А потом... А потом в дело вмешалась «Москва» – и началось такое, чего не было еще ни в одном морском сражении... С «Москвы» полетели огненные стрелы, напоминавшие конгревовские ракеты, только более крупные по размерам и более разрушительные по своему действию. От попадания этих ракет практически сразу затонули броненосцы «Александра», «Инвисибл», «Свифтшур» и «Дифенс». Причем в донесении особо отмечено, что огонь велся по двум целям одновременно. Сила взрыва одного такого ракетного снаряда, по оценке специалистов, составляла от полутора до двух тонн пороха.

– Это нонсенс! – Вскричал Мак-Магон. – Столько пороха невозможно запихнуть в один снаряд! Ваши специалисты ошиблись!

– Увы, нет, – пожал плечами герцог Деказ, – похоже, что русским удалось создать очень мощную и весьма компактную взрывчатку. В противном случае, как вы объясните вот это – броненосец «Инвисибл» разломился пополам всего от трех прямых попаданий ракетных снарядов. С остальными дело обстояло не лучше. «Александра» – взрыв порохового погреба после двух попаданий. «Свифтшур» – одно попадание, но взрывом вырвало такой кусок борта, что в получившуюся дыру смогли бы заехать сразу два паровоза. «Дифенс» – переломился пополам от двух близких попаданий, как и «Инвисибл», и к тому же на нем произошел еще и взрыв котлов. Можно сказать, что русские просто развлекались, ведя стрельбу по британским кораблям как в тире. Кроме того, единственное орудие, стоявшее в округлой по форме носовой башне «Москвы», открыло по британским кораблям неожиданно частый и точный огонь. Снаряды, выпущенные этим орудием, имели огромную разрушительную силу. После нескольких попаданий английские броненосцы получали подводные пробоины, в результате которых они начинали опасно крениться, после чего переворачивались. Так погибли броненосцы «Ахиллес» и «Султан». Средиземноморская эскадра Ройал Нэви была уничтожена всего за какие-то четверть часа!

– Боже мой! – Воскликнул изумленный Мак-Магон, – как все просто и страшно! Один-единственный корабль за четверть часа утопил эскадру новейших броненосцев! Значит, эскадра этих таинственных кораблей способна так же легко уничтожить всю основу могущества Британии – ее военно-морской флот! А летательные аппараты, тысячами истребляющие пехоту и кавалерию, так же легко разгромят противостоящие им сухопутные силы! И не забы-

вайте о миллионах казаков, что один раз уже брали Париж. Вы понимаете, герцог, что это означает?

– Да, господин Президент, – ответил министр, вытирая батистовым надушенным платочком свой внезапно вспотевший лоб, – это значит, что эскадра, так непонятно и таинственно возникшая из ничего, оказалась способной сокрушить любую европейскую державу и стать силой, диктующей свою волю всему миру.

– Герцог, вы и ваши люди должны во что бы то ни стало найти возможность выйти на руководства этой силы и предложить им союз на любых условиях. Только в этом я вижу спасение нашей старой милой Франции. Только в этом. Можно попробовать сделать это через нашу русскую агентуру. Если я правильно понял, эта таинственная эскадра и ее руководство действует в полном согласии с верховной властью Российской империи.

Герцог Деказ кивнул.

– Да, это так, господин Президент. Отмечены оживленные контакты людей этой эскадры с цесаревичем Александром. Из Лондона получена непроверенная информация о том, что Первый Лорд Адмиралтейства, считает наследника Российского престола инициатором всей этой акции...

– Воздействуйте на своих людей в России всеми доступными вам средствами. – Президент Мак Магон почти кричал. – Дайте им денег столько, сколько возможно, займите их у Ротшильдов, угрожайте, шантажируйте, обещайте все, что они захотят получить! Это единственный шанс для Франции. И еще – сделайте все возможное и невозможное, чтобы не состоялся союз этой новой силы с нашим смертельным врагом – Германией. Не останавливайтесь ни перед чем. Франция простит вам все! Наше счастье, что жена их покровителя цесаревича ненавидит бошей, которые ограбили и унизили ее родную Данию. Но это очень слабая ниточка – в политике нет любви и ненависти, есть только голый расчет. А Бисмарку есть что им предложить в войне с Англией. Сотни тысяч отлично вышколенных германских grenадер поставят Британию на колени, стоит их только переправить на острова... Поверьте, в Ла-Манше вполне может повториться Дарданелльская история. Но сначала Бисмарк потребует отдать ему нас!

– Господин Президент, мы собираемся отправить в Константинополь месье Жюль Верна. Он очень занят, и не хочет ехать, так как судится с одним из авторов, обвинявших его в плагиате. Мы переговорили с судьей, но спор пока не разрешился. Нужны деньги, а бюджет нашего министерства очень ограничен. Очищенный от всех обвинений месье Жюль Верн, чрезвычайно заинтригованный информацией о таинственных кораблях и необычных летательных аппаратах, собирается выехать в Марсель сразу же, как закончится тяжба и он получит на руки нужное решение. Там он должен сесть на пароход, идущий в Афины. В столице Греции он наймет небольшое греческое судно, которое доставит его в Константинополь. Все будет увлекательно и авантюрно, как в его романах.

– Отлично, герцог, действуйте. Только поживее, а то вот, полюбуйтесь, что пишут эти щелкоперы! – Президент бросил на стол бульварный листок с хлестким заголовком. – «Известный всему миру французский сочинитель Жюль Верн направляется в Константинополь с тайным поручением Президента Мак-Магона!». Можете докладывать мне в любое время дня и ночи все, что вы узнаете об этой эскадре, о ее возможных альянсах, и о наших успехах в установлении контактов с представителями этой таинственной силы.

12 июня (31мая) 1877 года. Вечерние австрийские газеты:

"Винер Цейтунг": "Пиратское нападение на британскую эскадру! Русские варвары цинично нарушили все нормы международного права! Кто сможет остановить кровавых каннибалов?"

"Нойес Фремденблатт": "Зверское истребление беззащитных британских моряков! Неравный бой доблестной эскадры королевы Виктории! Русские душегубы и греческие пираты добивали тонущих англичан веслами и баграми!"

12 июня. Вечер. Вена. Дворец "Шеннбрун"

Император Австро-Венгрии Франц-Иосиф и министр иностранных дел империи граф Дьюла Андраши.

Министр иностранных дел Австро-Венгерской империи граф Андраши, несмотря на поздний час, был срочно вызван императором во дворец.

– Граф, это черт знает что! – возмущенно воскликнул Франц-Иосиф, кивнув на кучу вечерних газет, сваленных на диване. – Эти русские, кажется, совсем уже потеряли чувство меры! Им, похоже, уже надоело безнаказанно истреблять бедных турок, и они решили продолжить это увлекательное занятие с британцами! Причем получается это у них неплохо, британцы оказались ничуть не лучше турок! Всего четверть часа – и шесть новейших броненосцев, два фрегата и корвет Средиземноморской эскадры Англии уже на дне! А что было бы, если с этой «Москвой» повстречался наш флот? Почитайте, что пишут газеты. Вот слова командира «Москвы», сказанные им иностранным журналистам: «Британская артиллерия, захваченная нами на пароходе "Глория", годится только для переплавки на ночные горшки!» Да-да – этот варвар собрал так называемую «пресс-конференцию для греческих и иностранных журналистов», где сказал много нелестных слов про Британскую империю вообще и британский флот в частности.

Граф Андраши после слов императора поежился, словно за шиворот ему заползла жаба. Ему даже не хотелось думать о том, что для разгрома не такого уж большого флота двуединой монархии этому русскому кораблю-убийце понадобилось бы гораздо меньше времени. Да что там «Москва» – хватило бы, наверное, и самого маленького из русских кораблей, который обычно приносит «Москве» тапочки.

– Мне вчера сообщили о том, как «порезвились» в Черногории железные птицы, взлетающие с русского корабля, – граф Андраши вздохнул, – я о них вам в прошлый раз уже рассказывал. Они совершенно уничтожили турецкую армию, двигавшуюся на Цетинье. Нескольким совершенно ополоумевшим дезертирам этой армии удалось добраться до нашей границы. По рассказам турок, откуда-то с неба на них неожиданно обрушился град снарядов, снаряженных взрывчатым веществом огромной разрушительной силы, и целые реки адского огня, который продолжает гореть даже в воде. Метали огонь и снаряды эти самые железные птицы. И вот результат – турецкая армия частью уничтожена, частью просто разбежалась, и как организованная сила уже не представляет никакой опасности для своих врагов. Черногорцы и сербы ликуют...

По мере того, как Андраши рассказывал о гибели в Черногории турецкой армии, император все больше и больше мрачнел. Когда граф закончил свое повествование, Франц-Иосиф, подозрительно посмотрев на своего министра, вдруг спросил:

– Скажите честно, Дьюла, ведь это еще не все неприятные известия, который вы для меня приготовили?

Андраши, тяжело вздохнув, достал из красной бархатной папки несколько листов бумаги, потом поднял печальные глаза на своего монарха, и произнес:

– Да, Ваше Величество, я вижу, что от вас ничего скрыть не удастся. Известия, которые мне удалось получить от своих агентов из Плоешти и Афин, приводят меня в ужас. Вот первое из них: Русский император отправил в отставку канцлера Горчакова, по официальной версии, «по состоянию здоровья». А его место назначен бывший посол России в Турции, глава русской разведки, ярый наш ненавистник граф Игнатьев. – Положив бумажку на мраморный столик, Андраши взял в руки очередной документ и продолжил: – По данным нашего военного

наблюдателя в Ставке русской армии, в Плоешти из Константинополя прибыла некая госпожа Антонова, которая оказалось никем иным, как полномочным представителем силы, захватившей столицу Турции. Самое пикантное, что эта дама носит чин полковника... – при этих словах бакенбарды императора от возмущения встали дыбом, как усы у мартовского кота. – Так вот, – продолжил Андраши, – госпожа полковник регулярно встречается с императором Александром, и подолгу с ним о чем-то беседует. Любовные утехи в данном случае отпадают, так как к их беседе время от времени присоединяется новоиспеченный министр иностранных дел граф Игнатъев. О чем они ведут разговоры, нам узнать не удалось. Более того, бесследно исчез наш тайный агент, пытавшийся подобраться поближе к дому, где происходили эти встречи. Мы полагаем, что его выследили, схватили, допросили и убили. Русские палачи в застенках бывают чертовки убедительны.

– Какое варварство! – Возмущенно воскликнул император. – Эти русские свиньи в очередной раз продемонстрировали свою первобытную жестокость – они убили нашего храброго офицера лишь за то, что тот исполнял свой долг... Тем более не предъявив ему обвинения, без суда и следствия...

Граф Андраши лишь развел руками, тем самым показывая монарху, что, дескать, уповать на милосердие дикарей из этой азиатской Московии – бесполезное дело.

– Продолжайте, граф, – немного успокоившись, сказал император.

Министр иностранных дел достал из своей красной папки очередную бумагу.

– Ваше Величество, в Афинах, куда корабль «Москва» пришел под брейд-вымпелом наследника российского престола, некий капитан Тамбовцев ведет секретные переговоры с королем и королевой Греции о заключения договора о предстоящем разделе между королевством и захватчиками «турецкого наследства». Ни больше, ни меньше!

– Даже так?! – Воскликнул изумленный этим известием Франц-Иосиф. – А как же мы, ведь именно наша империя по праву должна получить все европейские владения Турции?

– Я понял так, Ваше Величество, – вздохнул граф Андраши, – что наша империя у них в списке наследников вымороченного имущества султана Абдул-Гамида вообще не фигурирует.

– А как же обещанные нам Россией Босния и Герцеговина?! – Возмутился двуединый монарх.

– Ваше Величество, а Россия формально не имеет никакого отношения к проходящим в Афинах переговорам. Их ведет никому неизвестный капитан Тамбовцев, а цесаревич Александр всего-навсего заглянул в столицу королевства, чтобы навестить своего зятя и кузину.

– Какое византийское коварство, граф! – продолжал бушевать император. – Вы только посмотрите: стоило попасть этим наглецам в столицу Восточной Римской империи, как тут же они стали копировать манеру вести дела, словно они вернувшиеся домой византийские базилевсы! – Внезапно Франц-Иосиф поперхнулся, выпучив глаза. – Византийские базилевсы...

Граф Андраши вздохнув, продолжил:

– К сожалению, мы никак не можем помешать этим переговорам: если в греческом парламенте у нас и есть свои люди, то они не рискнут выступить против общественного мнения. А оно сейчас полностью на стороне русских. Как и в Герцеговине, Сербии, Черногории, Болгарии и прочих землях, где люди только и ждут того, чтобы их освободили от турок. В конце месяца состоится Константинопольский Собор, который должен избрать нового патриарха... Вы правы хотя бы в одном – эти русские восстановили древний византийский православный канон императора Константина, и при открытии собора перед клиром и миром выступают император Александр и адмирал Ларионов.

– Что же вы предлагаете делать, граф? – вздохнув, удрученного сказал император. – Этого совершенно нельзя допустить, ведь не можем же мы сидеть сложа руки и преспокойно наблюдать за тем, как у нас под боком растет, набирая силу, новая могучая держава, которая не испытывает не малейшей симпатии к нашей империи. Более того, из мелочного эгоизма мы

сделали русским столько зла, что они должны нас люто ненавидеть, как и все прочие перечисленные вами народы.

– Ваше Величество, – ответил граф Андраши, – я собираюсь встретиться с канцлером Германской империи Бисмарком, который, как я слышал, выехал из Берлина для личных переговоров с русским императором. Я телеграфировал ему, и мы достигли предварительной договоренности встретиться в любом удобном для него месте – например, в Лемберге, – где мы могли бы обсудить наш общий взгляд на события, которые происходят сейчас на Босфоре.

Император поднял голову.

– Граф, я полностью рассчитываю на вас. Напомните канцлеру Бисмарку о тех договоренностях, что связывают наши империи, о том, что именно мы, европейцы, должны вместе противостоять русскому натиску, который грозит смертельной опасностью всему цивилизованному миру. Скажите ему, что мы уповаем лишь на защиту Германской империи.

12 июня (31мая) 1877 года, вечер, Пирей.

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич.

Навязанное нам морское сражение закончилось полным разгромом противника. Надводные корабли англичан быстро стали подводными, за исключением транспортов. Они спустили флаги и сдались на милость победителя.

Мы обошлись в целом без потерь. А вот «Аскольду» досталось. Бритты ухитрились всадить в него снаряд из орудия главного калибра, и, как сообщил нам капитан 2-го ранга Тыртов, на корвете есть убитые и раненые. Печально...

Весь бой я, если сказать честно, пробездельничал. Стоял на мостике с биноклем и наблюдал за избиением супостатов. Надо сказать, что ребята с «Москвы» провели его мастерски. Греки на берегу гавани тоже наблюдали за истреблением британской эскадры и громкими криками приветствовали каждый буль-буль очередной жертвы «Москвы».

И кто мне говорил о симпатиях греков к Британии? Тут, помимо всего прочего, все хорошо помнили, как нынешний премьер-министр Англии во время восстания греков на Крите высказался против какого бы то ни было уменьшения прав или территории Турции, и как министр иностранных дел лорд Стенли запретил капитанам английских судов перевозить с Крита греческих беженцев – женщин и детей – спасавшихся от дикой резни, учиненной башибузуками.

Когда отгремели взрывы, и на поверхности воды остались лишь обломки, я направился в свою каюту, где еще раз прикинул расклад сил во властных структурах Греции. По всему выходило, что греки будут на нашей стороне. Во всяком случае, они всерьез готовились к возможной войне с Турцией. В конце 1876 года, после начала военных действий в Сербии и Черногории, начались волнения в Фессалии и Эпире, населенных преимущественно греками. Когда оттуда стали доходить вести о турецких зверствах, всю Грецию охватило сильное возбуждение. Парламент вотировал экстраординарный кредит в 10 млн. драхм на военные приготовления и принял предложение о призыве под ружье 120 тысяч человек. И это при менее чем двухмиллионном населении страны?

А в начале 1877 года был принят и закон о всеобщей воинской повинности. В апреле 1877 года, когда Россия объявила войну Турции, греки были готовы выступить вместе с ней против общего врага. Но глава английского правительства Дизраэли заявил, что движение греческих войск через турецкую границу вызовет немедленное занятие Пирея британскими войсками. Вот, значит, когда англичане положили глаз на Пирей! Ну что ж, попытка его занятия состоялась... Правда, результат... Можно сказать, что они его заняли: броненосцы – место на дне Пирейской гавани, а индийские сипаи еще лет десять будут мести афинские улицы и вскапывать греческие огороды.

Я продолжил просматривать свои бумаги. Греция приютила множество фессалийских беженцев, часть из которых поступило добровольцами в греческую армию. Я думаю, что греческие эвзоны с большим удовольствием перейдут границу бывшей Османской империи. А о сроках и месте этого перехода, как мне кажется, нетрудно будет договориться с королем и лидером парламентского большинства Трикуписом.

Вечером на крейсер на имя цесаревича и командира «Москвы» пришло поздравление со славной победой, одержанной над численно превосходящим противником, за подписью короля Георга и королевы Ольги. Вместе с этим поздравлением была передана лично для меня записка, в которой говорилось, что «господин Харилаос Трикупис готов встретиться с капитаном Александром Тамбовцевым в любое удобное для него время». Ну что ж, похоже, что завтра опять придется заняться дипломатией.

13 (1) июня 1877 года, утро, Афины.

Капитан Тамбовцев Александр Васильевич

В королевскую загородную резиденцию мы отправились утром вместе с цесаревичем и его адъютантом, графом Шереметевым. Герцог Лейхтенбергский неожиданно «заболел», и остался на крейсере. Похоже, что «лечиться» он отправится к телевизионщикам сразу же после нашего отъезда. Эх, любовь, любовь... Пришлось его предупредить, что Ирочка – это дикая кошка, которая гуляет сама по себе. Но, кажется, бесполезно...

Ну, а мы на тех же королевских каретах снова с триумфом проехали через Пирей. В Таги нас встретила королевская чета и почетный караул с оркестром. Прозвучали гимны Греции и Российской империи.

Мы прошли в парадный зал, где в честь гостей был уже накрыт стол. Мне бросилось в глаза поведение короля Георга. В прошлый наш визит он смотрел на меня снисходительно-вежливо. Сегодня же, после нашей победы при Саламине, он уже поглядывал на меня уважительно-настороженно. Позднее я узнал, что королева вчера отправилась вслед за нами в Пирей, и с берега через подзорную трубу наблюдала за сражением. Своими впечатлениями от увиденного она поделилась с супругом, после чего тот весьма заужавал как представителя Югоросси, так и мощь ее боевых кораблей.

Ну а королева, та просто светилась от гордости за своих соотечественников. Впрочем, в радости была и капля горечи. На завтрашний день были назначены похороны моряков, погибших на «Аскольде». По распоряжению короля, их похоронят со всеми воинскими почестями на кладбище Афин, и отпевать их будет сам митрополит.

Я сразу же перешел к делу, и от имени адмирала Ларионова предложил Георгу заключить с Югороссией договор, по которому Греция разрешила бы нашим боевым кораблям проходить своими территориальными водами, правом пользоваться портами, и предоставила бы нам преимущественное право на добычу полезных ископаемых, которые мы надеемся найти в ее недрах. Я знал, что страна располагает одним из крупнейших в Европе месторождений бокситов. Это алюминий, который сейчас в мире практически неизвестен и чрезвычайно дорог. А нам он понадобится, причем в большом количестве.

За все эти преференции мы обещали Греции территориальные приращения – Крит, Фессалия, возможно, Эпир с Албанией, – и полную защиту от внешней угрозы. Союзничая с нами и Российской империей, Греция может навсегда забыть о любителях поживиться чужим добром. Кроме того, я намекнул, что королевству будет очень выгодно экономическое и техническое сотрудничество с Югороссией.

Король Георг выслушал с большим вниманием мою речь, но не сказал ни да ни нет. По конституции он имел право подписывать международные договоры, но то, что я предложил, было слишком серьезно, чтобы с ходу дать ответ. Я понял колебания короля, и предложил закончить официальную часть и перейти к неофициальной.

После обеда (к сожалению, блюда были сугубо европейские) цесаревич остался поболтать со своими родственниками, а я на предоставленной королем карете отправился к господину Трикупису... Или к сэру Трикупису?

Я знал, что он родился в Лондоне и провел молодость в столице Британии. Трикупис не скрывал своего англофильства. Но, с другой стороны, он был трезвым политиком, и понимал, что если сейчас он будет выступать с антирусской позиции, то потеряет значительную часть своего политического влияния и уже не получит такой поддержки на следующих выборах.

К тому же он был, как ни странно, патриотом Греции. Поэтому я рассчитывал найти с Трикуписом общий язык.

Так и произошло. Старый прожженный политик, говоривший по-английски лучше, чем по-гречески, встретил меня подчеркнуто вежливо. Больше всего его интересовали не условия предложенного нами проекта договора, а мы сами. Он пытался понять, что мы собой представляем, кто за нами стоит и каковы наши возможности. Словом, вполне резонный интерес.

Я, естественно, не стал открывать ему все карты, а просто популярно разъяснил, что расклад сил в Европе в скором времени кардинально изменится, и Греции выгодней быть вместе с победителями, чем вместе с побежденными. И что в случае враждебного отношения Греции к Югославии возможно не приращение территории королевства, а наоборот... Тем более что значительная часть населения Югославии – греки...

Мои не совсем дипломатичные и несколько циничные выкладки были правильно восприняты господином Трикуписом. Все-таки он был прилежным учеником своих британских учителей. И в жизни придерживался несколько переиначенного девиза одного из британских дипломатов: «У Греции есть постоянные интересы...» В данном случае наши предложения работали на интересы Греции. Поэтому их следовало принять...

13 (1) июня 1877 года, утро, Австро-Венгрия, Лемберг, железнодорожный вокзал, вагон канцлера Германской империи.

Канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк

В Кракау, где мой поезд сделал остановку, чтобы сменить паровоз, я приказал своему камердинеру сбежать на вокзал и купить сегодняшние вечерние газеты. Австрийские я быстро пролистал, обратив лишь внимание на их истерические заголовки. Они были такими, словно в Пирее русские утопили не британскую, а австрийскую эскадру.

А вот наши, германские, изучил внимательно. Они были более спокойными и объективными. Вот, к примеру, «Дер Беобахтер»: «Четверть часа позора! Плавающие броненосные мишени королевы Виктории!» А это уже «Альгемайне Цейтунг»: «Невероятная победа "Москвы"! На британские корабли обрушился огненный ураган!». Я сравнил то, что писали эти газеты, с докладами наших дипломатов из Афин, которые мне передали в последний момент на вокзале в Берлине. Я понял, что газеты практически не врут. Ну лишь чуть-чуть, совсем немного, приукрашивают. Благо русские провели экзекуцию на глазах у всей Европы, словно строгий учитель, выдравший розгами провинившегося школьника на виду у всего класса.

Из всего произошедшего я сделал один однозначный вывод: русские одним ударом сместили в кучу все фигуры, стоявшие на мировой шахматной доске. И сейчас стали возможны новые, самые невероятные, конфигурации в международных альянсах.

В Лемберге меня ждала встреча с австрийским министром иностранных дел графом Андраши. Я уже совершенно точно догадывался, о чем он будет вести разговор. Австрия смертельно напугана появлением у ее границ нового государства, которое тут же начало из обломков поверженной Турции кроить новые славянские (да и не только славянские) государства. А это – мина, заложенная под двуединой империей. Я помню слова Андраши, сказанные им в январе 1875 года на заседании коронного совета о ситуации на Балканах: «Турция поддерживает status quo мелких балканских государств и препятствует их националистическим устрем-

лениям. Если бы не Турция, все эти стремления обрушились бы на нашу голову. Если бы Босния и Герцеговина отошли Сербии или Черногории или если бы было образовано новое государство, чему мы не в состоянии воспрепятствовать, то нам грозила бы гибель, и уже мы должны были бы взять на себя роль "больного человека"...

И вот теперь Турции не стало. Вместо нее откуда-то появилось Югороссия, которая обладает еще не установившимися границами, непонятным политическим устройством, зато огромной, просто, страшной военной силой. Поэтому-то Австро-Венгрия и паникует. Славянские народы, входящие в ее состав, могут последовать примеру сербов, болгар и черногорцев. Да и венгры были бы не прочь пожить в своем собственном государстве. Что же тогда останется от лоскутной империи? Немецкий огрызок, которому просто больше некуда деваться, кроме как прибиться к Германской империи...

Так, за подобными размышлениями, я и доехал до Лемберга. Кстати, это тоже славянский город, где большинство его жителей разговаривали отнюдь не по-немецки.

На перроне вокзала я увидел фигуру графа Андраши – как всегда, разряженного как павлин. На нем была роскошная гусарская форма, делавшая графа неотразимым для женщин. Но я далеко не девица, мечтающая о красавце-женихе, поэтому к пышному наряду Андраши остался равнодушен.

Я вышел на перрон. Встреча наша прошла без особых церемоний; мой визави вообще настаивал на том, чтобы она осталась в тайне. Поэтому после рукопожатий и пары вежливых фраз о здоровье и погоде мы прошли в мой вагон.

Там граф сразу же начал пугать меня страшной картиной захвата русскими варварами Европы. Что-то вроде нового нашествия монголов или гуннов. Я лишь усмехнулся про себя: уж кто и может считаться в Европе гуннами, так это венгры, соплеменники Андраши. Недаром они и свою страну называют «страной гуннов» – Хунгарией. Но я не стал его перебивать, и минут десять слушал словоизвержения графа. А потом прямо спросил его:

– Милый граф, а что, собственно, вы хотите от Германии?

Тот прервал свою речь на полуслове и недоуменно уставился на меня. Лицо стареющего красавца пошло красными пятнами.

– Господин канцлер, но ведь это страшное государство – Югороссия – сожрав одну империю, может обратить свой взор и на другие европейские государства! Например, на Британскую империю, флот которой они уже подвергли такому безжалостному истреблению.

Я поднял вверх палец, и граф Андраши, как медиум на сеансе у гипнотизера, уставился на его кончик.

– Граф, я хочу вам напомнить, что английские броненосцы были утоплены не у входа в Портсмут, Бристоль или Плимут, а у входа в Пирей. Вот только скажите мне, какого черта их туда понесло?

Напудренное лицо графа Андраши исказила гримаса негодования.

– Господин канцлер, но ведь эта Югороссия – это часть огромной Российской империи, и мне даже страшно представить, что станет с цивилизованным миром, когда над ним нависнет тень русского медведя!

– Двух медведей! – Усмехнулся я. – Граф, а с чего вы вдруг решили, что Югороссия и Российская империя – это одно и то же? Во всяком случае, они – по крайней мере, на словах – явно дистанцируются друг от друга.

– Господин канцлер, но ведь все они говорят на русском языке... – взвизгнул австриец.

Я вздохнул: приходилось разъяснять прописные истины.

– Ну и что, ведь и в наших странах большинство живущих в них людей разговаривают по-немецки. Но ведь никто не скажет, что именно поэтому Австро-Венгерская империя и Германская империя – одно целое. Мы, конечно, дружим, но ведь бывало и так, что мы воевали. вспомните Кениггрец лет десять назад...

Графа Андраши даже передернуло, когда он услышал названия места, где наши доблестные войска вдребезги разбили австрийскую армию. Но он промолчал, сделав вид, что не понял моего намека.

– Милый граф, – продолжил я, – мне кажется, что ваши опасения абсолютно напрасны. Ни Россия, ни тем более Югороссия, пока не дали повода для начала боевых действий. Да и, поверьте мне, не стоит связываться с русскими. Помните, что превентивная война против них – это такая форма самоубийства из-за страха смерти. Надо попробовать с ними договориться. Политика – искусство возможного. А вы хотите, не используя всех политических возможностей, сами сунуть голову в петлю... Вспомните бедных турок и печальную судьбу эскадры адмирала Горнби.

Граф Андраши обреченно опустил голову.

– Значит, вы, господин канцлер, не поддержите нас, своих братьев, если мы подвергнемся нападению России или Югороссии? Где же нам тогда искать союзников?

– Только не в Англии, граф... Из британцев союзники, как из дерьма пуля. Они, как обычно, будут отсиживаться на своих островах, предоставив другим подставлять свои бока под удары разъяренных русских.

Андраши был в отчаянии.

– Господин канцлер, но ведь других союзников, кроме вас, у нас нет. Мы остаемся один на один с Россией – да нет, с двумя Россиями, – и тогда в самом ближайшем времени нашу империю разорвут на части поляки, чехи, словаки и хорваты со словенцами! Да и мои соплеменники венгры, скорее всего, тоже захотят создать собственное государство...

– Граф, могу вам только посоветовать покаяться, примириться с Господом и успокоить в Вене горячие головы, которые рвутся повоевать. Войну очень легко бывает начать, но трудно закончить. Не надо спешить. Подождем, как дальше будут развиваться события. Есть хорошая немецкая поговорка: *Eile mit Weile* (торопись, но медленно). Наберитесь терпения.

Я вежливо попрощался с расстроенным графом, хотя мне хотелось вышвырнуть его пинком под зад. Как всегда, эти глупые головы из Вены нашкодили, а теперь прибежали к нам искать защиты. Опустив голову, он вышел из вагона, будто искал на перроне потерянную монетку, а наш поезд тронулся, и мы поехали дальше.

Меня ждала полевая Ставка русского царя Александра, с которым я подружился еще во время моего пребывания в Петербурге в качестве посла Пруссии в Российской империи. Надо договариваться с ним и с теми, кто определяет политику Югороссии. У меня есть совершенно достоверные сведения, что при Ставке уже действует дипломатическая миссия Югороссии, которую возглавляет некая госпожа Антонова, причем в чине полковника. Ну что же: политика есть искусство приспособляться к обстоятельствам и извлекать пользу из всего, даже из того, что не вызывает удовольствия. Тем более что господа Круппы, Сименсы и Гальске, а так же другие генералы германской экономики, как застоялые жеребцы в конюшне, уже роют землю, почувствовав запах фантастических прибылей. Ведь чудеса техники, что продемонстрировали brave ребят из Югороссии, могут озолотить и русских, и нас, немцев. Русские мозги и немецкие рабочие руки, русские идеи и немецкая аккуратность, русский размах и наша бережливость – вот то, что сулит нашему Фатерлянду миллиардные прибыли и место первой промышленной державы мира.

Я не хочу, чтобы моя империя, к созданию которой я приложил столько сил, воевала с русскими из-за какой-то занюханной Австрии, которая, если сказать честно, и так рано или поздно развалится на части. Русские же могут стать Германии хорошими соседями и надежными деловыми партнерами.

Конечно, каждый будет стараться выжать из подобных отношений свой интерес, но в этом я не вижу ничего плохого. Было бы странно, если бы было наоборот. Вот только нам надо помешать русским заключить союз с недобитыми лягушатниками. Тогда в Европе оста-

нутя лишь две силы, которые смогут вести в ней самостоятельную политику. Я думаю, что нам удастся поладить с Россией и с Югороссией. А австрийцы? Они уже в прошлом... Конечно, жаль их, но как говорится, «каждому свое...»

13 (1) июня 1877 года. Лондон. Букингемский дворец. Королева Виктория и премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли.

Королева была в ярости. Дизраэли знал свою повелительницу много лет, но ТАКОЙ он видел ее впервые. Отвислые жирные щеки Виктории пылали, косматые седые волосы выбивались из-под черного чепца. Она тряслась от ярости, и проклятия изо рта королевы вылетали вместе с брызгами слюны.

– Как ЭТО могло произойти?! Виконт, я требую от вас ясного и четкого ответа – как русские варвары сумели всего за четверть часа уничтожить лучшую эскадру моего флота?! Что вообще происходит?! Откуда взялись эти наглецы, которые позволяют себе бросить вызов моему могуществу?! И это те самые русские, которые были примерно наказаны нами в 1855 году!

– Ваше Величество, – Дизраэли попытался прервать королевскую истерику, – это не совсем те самые русские. Войска императора Александра II продолжают находиться в Румынии, готовясь форсировать Дунай. А те русские, что захватили Стамбул, и которые посмели напасть на нашу эскадру у Пирея, это, если можно так сказать, не совсем те русские, или совсем не те русские...

Услышав жалкое блекотание своего премьера, королева снова затрясла жирными щеками и замахала от возмущения руками.

– Виконт, вы сами-то понимаете, что говорите?! Для меня главное, что корабль под русским военно-морским флагом и с вымпелом наследника Российского престола, с командой, говорящей по-русски, уничтожил все шесть броненосцев моей Средиземноморской эскадры, при этом не понеся существенного для себя ущерба. В руки к этим дикарям попал мой сын! – Королева по-бабьи всхлинула и кружевным платочком смахнула слезу. – Бедный Фредди! Сначала его окрутила эта спесивая дочь русского царя, а теперь он томится в плену, и весь мир смеется надо мной и моей державой! Дизраэли, вы понимаете, чем может грозить британской короне это поражение?! Теперь все, кого мы с таким трудом заставили нам покориться, задумаются, а так ли сильные эти британцы, если их столь легко побеждают какие-то варвары из заснеженных лесов Московии...

– Ваше Величество, я прекрасно все понимаю. Мною лично и правительством Вашего Величества будут приняты все надлежащие меры для того, чтобы мир как можно быстрее забыл о нашем поражении, и русские, посмеявшиеся поднять на нас оружие, были примерно наказаны.

– Виконт, я прошу – нет, я требую – чтобы Россия была примерно наказана за свою дерзость. А те, кто организовал это беспримерное по наглости нападение на наши корабли, понесли заслуженное суровое наказание. Я разрешаю использовать всю мощь Соединенного королевства и применить для этого ВСЕ – я подчеркиваю, ВСЕ – способы и средства. Сделайте все возможное и невозможное!

Королева сделала паузу и вздохнула.

– Как жаль, что я женщина! – горестно произнесла она. – Будь я мужчиной, я первая пошла бы в бой против этих варваров! Дизраэли, помните, что в данный момент империя находится в смертельной опасности! Англия должна быть спасена любой ценой – я повторяю – любой ценой!

Тот же день. Лондон. Даунинг стрит, 10. Резиденция премьер-министра Великобритании.

Бенджамин Дизраэли и министр иностранных дел лорд Дерби.

Премьер-министр Британии и его глава внешнеполитического ведомства уже несколько часов горячо обсуждали поручение королевы.

– Лорд Дерби, я полностью согласен с королевой в том, что с зарвавшимися русскими надо что-то делать. Ее мнение разделяет и наш народ. В Лондоне и некоторых портовых городах Британии возмущенные неслыханным по дерзости поступком этих варваров подданные королевы разгромили представительства российских торговых компаний. Люди обратили свой священный гнев на русских, которые набрались наглости и попытались оказать вооруженное сопротивление проявлению верноподданнических чувств. Несколько наглецов было убито, остальные сильно избиты и взяты под стражу полицией, которая таким способом спасла их от народного гнева.

– Да, виконт, – кивнул лорд Дерби, – я слышал об этом. Скажу больше, русское посольство было забросано камнями и грязью. Полиции с большим трудом удалось удержать народ от штурма диппредставительства этих дикарей, которые не считаются ни с какими международными нормами, и нападают на наши корабли.

– Милорд, я полагаю, что мы находимся на грани объявления войны Российской империи, – с апломбом прознес Дизраэли. – Вот только как мы будем с нею воевать? Ведь на континенте мы вряд ли сумеем найти союзников, которые рискнут вместе с нами вступить в вооруженное противостояние с Россией.

– К сожалению, это так, – вздохнул британский министр иностранных дел. – Единственная наша надежда – Австро-Венгрия, после недавнего тайного (но не от нас, конечно) свидания канцлера Бисмарка и графа Андраши в Лемберге поспешила заявить о том, что изменения в Турции никоим образом не угрожают безопасности двуединой империи, а посему она будет придерживаться нейтралитета в конфликте на Балканах.

– Да, это очень печально, – подтвердил Дизраэли. – Но ведь вы знаете, что, помимо нее, в мире есть силы, которые могли бы если и не сокрушить мощь России и этой, как ее...

– Югороссии... – Подсказал лорд Дерби.

– Да, Югороссии, – кивнул британский премьер, – так вот – есть силы, которые не менее нас ненавидят Россию и русских, и которые, если им помочь деньгами и оружием, могут доставить много неприятностей этим негодьям.

– Виконт, вы имеете в виду поляков? – поинтересовался лорд Дерби.

– Поляки, кавказские головорезы, что всегда готовы отправится в поход против неверных, – выкрикнул Дизраэли, – азиатские ханы и баи, которым русские запретили грабить своих соседей и держать рабов, русские идеалисты, мечтающие о свержении самодержавия. Словом, всем, кто готов вредить царю любыми доступными способами. И мы должны сделать все, чтобы они делали это как можно эффективнее. Ну и нам тоже не следует сидеть сложа руки. У нас есть специальные люди, для тайных операций, о которых потом не принято вспоминать.

– Вы имеете в виду убийство русского императора Павла I? – хитро ухмыльнувшись, поинтересовался министр иностранных дел Британии.

– И это тоже, – с такой же хитрой ухмылкой ответил премьер-министр, – королева мне прямо сказала, что Англия должна быть спасена любой ценой, поэтому не нужно быть особенно разборчивыми в выборе средств. Помните, что победителей не судят!

13 (1) июня 1877 года. вечерние американские газеты:

«*Нью-Йорк Таймс*»: «Новое сражение при Саламине! Королева Виктория оплакивает свои броненосцы!»

«*Чикаго Трибьюн*»: «Великий мыльный пузырь! Британский флот оказался самым дорогостоящим блефом на свете!»

13 (1) июня 1877 года Вашингтон. Белый дом.

Президент САСШ Рутерфорд Бирчард Хейс и Госсекретарь Уильям Эвертс.

– Билл, Билл, так кто из нас оказался прав? – спросил президент у своего госсекретаря. – Помнишь, в прошлый раз, когда мы с тобой обсуждали новости из Стамбула, я сказал, что англичане, взбешенные появлением русских на Босфоре, сцепятся с ними в драке, будто два голодных койота. И русские сделают с ними то же, что уже сделали с турками.

Эвертс, поморщившись, развел руками. Президент Хейс махнул рукой.

– Билл, если говорить по-честному, мы оба ошиблись. Мы подозревали, что эти русские парни окажутся большими драчунами, но чтобы так нокаутировать британцев!

– Сэр, – ответил госсекретарь, – я полагаю, что нам надо ускорить отправку Уллиса Гранта в Европу, чтобы он лично встретился с русским царем и этим таинственным адмиралом Ларионовым. Сэр, я стал даже побаиваться этих бешеных русских, которые так лихо молотят своих врагов. Вчера – турки, сегодня – британцы, а завтра?

– Да, Билл, – президент огладил свою пышную бороду, – я не ожидал от них такой прыти. Но королева не простит такого публичного унижения своих парней. К тому же, как сообщают газеты, в плен попал ее сын, и это для нее уже личное оскорбление, пощечина. – И что за этим последует?

– Сэр, я и так знаю, что за этим последует война с Россией. Только вот кто будет с ней воевать? – Уильям Эвертс задумчиво посмотрел за окно, где отцветающие яблони роняли последние лепестки. – На суше Британии с царем не тягаться. Да и не привыкли англичане сами воевать, они всегда ищут простаков, которые будут сражаться и умирать за британские интересы. Но таковых сейчас в Европе нет. А вот на море...

– А что на море? – спросил президент и хитро посмотрел на своего собеседника.

– А на море британцам русские уже хорошенько всыпали, – ответил Эвертс. – Тем более что, по имеющимся у нас данным, эскадра Канала сможет выйти в море не раньше, чем через месяц, а то и через два. Экономия, сэр. Пока парламент раскачается и выделит внебюджетные ассигнования на новую экспедицию... Но самое главное не в этом, а в том, что наиболее важным местом для их острова является морская торговля. Помните, сэр, как затряслись англичане, когда во время Гражданской войны в наши порты в Атлантике и Тихом океане вошли русские крейсерские эскадры? Я думаю, что такой же трюк русские повторят и в этот раз. А это нам на руку.

Президент энергично прошелся по кабинету.

– Да, Билл, я помню, что именно о таком варианте развития событий мы с тобой говорили несколько дней назад. На крейсерской войне мы можем сделать хороший бизнес. Причем практически ничем не рискуя. Боевые корабли британцев, как показал опыт второго сражения у Саламина, для русских кораблей лишь легкая закуска. А с торговыми судами мы уж как-нибудь управимся. – Рутерфорд Бирчард Хейс взял со своего стола конверт из плотной бумаги. – Да, кстати, я вчера получил письмо от Уллиса Гранта, в котором он дает согласие на поездку в Россию. Вот оно. И знаешь, кого он хочет взять с собой? Ни за что не догадаешься!

– Кого, сэр? – Госсекретарь насторожился, став похожим на сеттера, сделавшего стойку. – Я весь во внимании...

Президент довольно ухмыльнулся в бороду.

– Мой предшественник по Белому Дому пишет, что он хорошо знаком с одним моряком, который во время войны служил в нашем флоте, и у которого есть кузен. Этот кузен в Гражданскую войну тоже служил на флоте, только у конфедератов. Сейчас он в отставке, живет в Алабаме, у него адвокатская практика в городе Мобил. И фамилия этого моряка...

Госсекретаря будто дернуло током.

– Сэр, неужели речь идет о Рафаэле Семмсе? О том самом Семмсе, который был командиром «Алабамы»?!

Президент стукнул кулаком по столу.

– Да, Билл, о том самом Семмсе! Помнишь, сколько крови нам попортил этот крейсер? Почти два года он резвился на морских путях, утопив целых шестьдесят пять наших торговых судов. Если бы не удача, улыбнувшаяся «Кирсаржу» в Шербуре, он запросто мог довести свой счет до сотни. Так вот, Уллис Грант пишет, что он предложил Семмсу отправиться с ним к русским. И тот согласился. Я думаю, что это хорошая мысль. Адмирал Рафаэль Семмс сумеет найти общий язык с адмиралом Ларионовым. А офицерам Российского императорского флота он сможет помочь организовать результативную охоту на британские корабли, поделившись своим богатым опытом.

Госсекретарь склонил голову и вкрадчиво произнес:

– Сэр, какая блестящая идея! Нам надо завоевать доверие у этих русских парней. – Госсекретарь посмотрел на висящую на стене карту Северной Америки. – К тому же большая заваруха, которая может начаться в Европе, нам лишь на руку. Оставаясь в стороне от нее, мы будем потихоньку подбирать под себя страны, которые президент Джеймс Монро объявил зоной наших интересов – то есть все, что расположено южнее нашей границы с Мексикой. Да и торговля с воюющими странами позволит нам неплохо заработать.

– Именно так, Билл! – Президент Хейс удивленно поднял брови. – Но почему мы должны смотреть только на юг? К северу от Великих Озер тоже есть страна, которая вскоре может оказаться ничейной. Надо быть наготове и прибрать к рукам наследство покойной и горячо любимой британской тетушки... – Оба «джентльмена» рассмеялись. – К тому же, если верить тому, что сообщают о вооружении тех русских, которые так крепко побиили британцев, у них много технических новинок, с которыми стоит познакомиться поближе. Так что польза от поездки генерала Гранта может быть большой.

Госсекретарь Эвертс побарабанил пальцами по столу.

– Сэр, в порядке общих размышлений: а чего такого мы можем предложить русским, чтобы они стали покладистыми и показали нам все свои новинки?

Президент Хейс ухмыльнулся.

– Билл, пообещаем им нашу демократию! Только не надо на меня так смотреть – ну пошутил я, пошутил. Я прекрасно знаю, что она не стоит и ломаного цента. А если серьезно, то надо дать Уллису Гранту самые широкие полномочия на заключение с ними любых соглашений. В конце концов, выполнять или не выполнять эти соглашения, будем решать мы, в зависимости от сложившейся ситуации. Билл, максимально ускорь отъезд генерала Гранта и адмирала Семмса. Надо спешить! Ведь тот, кто первый улыбнется и протянет им руку, может рассчитывать на самое щедрое вознаграждение! Время не ждет!

14 (2) июня 1877 года. Борт крейсера «Москва». Эгейское море.

Герцог Сергей Максимилианович Лейхтенбергский.

Итак, наш чисто дипломатический поход в Афины неожиданно для нас самих закончился сражением с эскадрой королевы Виктории. Причем, завершилось оно полным разгромом неприятеля. Все-таки приятно возвращаться домой победителем. Правда, если говорить честно, то в сражении с британским флотом я лично не участвовал. Все было сделано матросами и офицерами крейсера «Москва». Я даже не мог себе представить, что при подобном неравенстве сил битва с англичанами закончится так быстро и с такими незначительными потерями. Но факт остается фактом – британцы посрамлены, а их Средиземноморская эскадра лежит на дне Саламинского пролива.

Судя по довольному виду Александра Васильевича Тамбовцева, и на дипломатическом фронте наши дела обстоят самым лучшим образом. Доказательство тому – торжественные проводы нашего корабля. Греки буквально на руках несли наших моряков до трапа. Сам король Георг с королевой Ольгой Константиновной посетили оба наших корабля. Конечно, особое

внимание монархи уделили крейсеру «Москва». От всего увиденного король и королева долго еще не могли придти в себя. Они с изумлением разглядывали вертолет, стоявший на кормовой площадке крейсера. Что это такое, король с королевой уже знали – королева, да и весь Пирей видели, как этот аппарат кружил над водами пролива, вылавливая из них сына британской королевы. Кстати, мы продемонстрировали герцога Эдинбургского королевской чете. Герцог выглядел уныло – в стираной матросской форменке, с забинтованной головой, Альфред меньше всего был похож на отпрыска английской монаршей семьи. Он без особого восторга раскланялся с греческим монархом и поцеловал ручку Ольге Константиновне. Те, в свою очередь, были немного сконфужены: пленный сын Британской королевы – это как-то... Впрочем, цесаревич тактично сказал, что Фредди у него не в плену, а в гостях. Все же как-никак родственники...

И все было бы хорошо, если бы не одно. Словом, я влюбился, как Ромео, в Джульетту из будущего. Скажу прямо – таких женщин я еще не встречал. Хотя монахом я не был и успехом у дам пользовался. Но вот запала мне в душу Ирина, и ничего я с собой поделывать не могу. Похоже, что и Ирина ко мне равнодушна. Во всяком случае, когда мы с ней беседовали, в ее глазах я видел нечто гораздо большее, чем простое любопытство. Или я ничего не понимаю в женщинах...

Правда, между нами огромная пропасть. С моей стороны – титул и происхождение, с ее стороны – разница в сто тридцать пять лет. Я вспомнил печальные истории, связанные с любовными взаимоотношениями моих родственников. Взять, к примеру, брата цесаревича, Великого князя Алексея Александровича. Какой у него был роман с Сашенькой Жуковской, дочерью воспитателя Государя, поэта Жуковского! На коленях Алексей умолял своего венценосного отца дать ему разрешение на брак с любимой женщиной. Но тот был неумолим. Тогда Алексей без разрешения обвенчался с Сашенькой в православном храме в Италии. Но этот брак был аннулирован Государем. Алексея отправили в кругосветное плавание, а Сашеньку выслали за границу. Там она родила сына, которого, как и отца, называли Алексеем. Потом вышла замуж за барона фон Вермана. Александр Васильевич сказал, что в их истории сыну Великого князя Алексея Александровича и Сашеньки Жуковской присвоили титул графа Белёвского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.